

**БРЕНДОН
САНДЕРСОН**

**Устремленная
В НЕБО**

Брендон Сандерсон

Устремленная в небо

Серия «Звезды новой фэнтези»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51776347

Устремленная в небо:
ISBN 978-5-389-18187-8

Аннотация

На планете Россыпь после битвы с флотом неземной цивилизации совершили вынужденную посадку несколько межпланетных кораблей человечества. Десятилетия спустя потомки их экипажей все еще подвергаются атакам из космоса.

Пилоты истребителей – герои ведущей непрерывную войну колонии, и Спенса с детства мечтает присоединиться к ним, доказать свою храбрость. Но ее судьба переплетена с судьбой отца, погибшего много лет назад, после того, как он внезапно оставил свою эскадрилью. Поэтому шансы Спенсы поступить в летную школу близки к нулю. Ей не дают забыть о том, как умер ее отец.

Но случайная находка в забытой всеми пещере может открыть для нее путь в небо.

Впервые на русском!

Содержание

Пролог	6
Часть первая	20
1	20
2	35
3	46
4	54
5	59
6	69
Часть вторая	77
7	77
8	83
9	95
10	111
11	123
12	140
13	147
14	164
Конец ознакомительного фрагмента.	175

Брендон Сандерсон

Устремленная в небо

Посвящается Карен Альстром, сосчитавшей все дни, о которых я забыл

© О. М. Степашкина, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

Пролог

На поверхность лезут одни дураки. Глупо так рисковать собой – всегда говорила моя мама. Мало того что там почти непрерывно падают глыбы из пояса обломков, так еще и никогда не знаешь, когда креллам вздумается напасть.

Конечно, отец отправлялся на поверхность почти каждый день – как пилоту ему просто приходилось это делать. Наверное, по маминой классификации это делало его суперглупым, но я всегда считала его суперхрабрым.

Меня очень удивило, когда однажды, после многих лет упрашиваний, он все-таки согласился взять меня с собой наверх.

Мне тогда было семь лет, но сама я считала себя уже совсем взрослой и очень умной. Я торопливо шла следом за отцом, держа в руке фонарь, чтобы освещать усеянную булыжниками пещеру. Во многих местах каменные стены туннеля избороздились трещинами, скорее всего из-за крелльских бомбардировок – у себя внизу мы ощущали их по дребезжанию посуды и мигающему свету.

Я представляла себе, что эти разбитые каменные глыбы – на самом деле искалеченные тела моих врагов, они лежали там с раздробленными костями и тянули вверх дрожащие руки в жесте полного и безоговорочного поражения.

Я была очень странным ребенком.

Когда я догнала отца, он оглянулся, потом улыбнулся. У него была самая лучшая в мире улыбка, настолько уверенная, будто его никогда не беспокоило, что о нем говорят. Никогда не беспокоило, что он не такой, как все, или просто не вписывается в общую массу.

Хотя почему, собственно, это должно было его беспокоить? Его все любили. Даже те, кто ненавидел мороженое и игрушечные мечи, даже мелкий нытик Родж Маккефри – все любили моего отца.

Отец взял меня за руку и указал вперед:

– Следующий участок немного сложноват. Давай я тебя подниму.

– Сама справлюсь, – сказала я и вырвала руку.

Ведь я была уже взрослая. Я сама собрала свой рюкзак и оставила Рудомета, своего плюшевого медведя, дома. Плюшевые медведи – это для малышни, даже если ты сама смастерила для своего экзоскелет из веревочек и обломков керамики.

Само собой, игрушечный истребитель я с собой взяла. Что я, дура, что ли? А вдруг мы угодим под атаку креллов, они разбомбят нам пути отступления, и нам придется до конца жизни обитать в заброшенных пустошах, где нет людей и никаких следов цивилизации?

Любой девочке нужно иметь при себе игрушечный истребитель. Просто на всякий случай.

Я отдала рюкзак отцу и посмотрела наверх через трещину

в камнях. Там, за дырой наверху, было... что-то. Сквозь нее сочился какой-то странный свет, совершенно непохожий на неяркое свечение наших фонарей.

«Поверхность... Небо!» Я заулыбалась и полезла по крутому склону – частично каменистому, частично галечному. Руки то и дело соскальзывали, и я поцарапалась об острый край, но не расплакалась. Дочери пилотов не плачут.

На глаз до трещины в своде пещеры было метров сто. Ну почему же я такая маленькая?! Ничего, скоро я вырасту такой же высокой, как мой отец. И тогда уже не буду самой мелкой из всех детей. Я посмеюсь над всеми с высоты своего роста, и им придется признать, какая я большая.

Я добралась до вершины камня и что-то тихо проворчала. Следующая зацепка была слишком далеко. Я прикинула расстояние – и решительно прыгнула. Как и у всякой девочки, выросшей в семье Непокорных, у меня было сердце звездного дракона.

И тело семилетнего ребенка. Так что я недопрыгнула на добрых полметра.

Сильная рука подхватила меня, не дав упасть. Отец усмехнулся. Он держал меня за комбинезон, который я разрисовала маркерами под его летный костюм. Я даже изобразила слева на груди такой же значок, как у него, – знак пилота. Он был сделан в виде маленького истребителя со следами выхлопа внизу.

Отец втащил меня к себе на камень, потом свободной ру-

кой включил свой энергошнур. Устройство выглядело как металлический браслет, но стоило отцу включить его, постучав двумя пальцами по ладони, как оно вспыхнуло ярко-красным сиянием. Отец дотронулся до камня наверху, а когда отвел руку, от нее потянулась густая полоса света, словно обхватившая камень сверкающая веревка. Он плотно обвязал другим ее концом меня под мышками, потом отделил веревку от браслета. Браслет погас, но светящаяся веревка осталась на месте, накрепко прикрепляя меня к камням.

Я всегда думала, что энергошнуры обжигают на ощупь, но он был просто теплый. Как объятия.

– Ну что, Юла, – сказал отец, назвав мое прозвище. – Попробуй еще раз.

– Мне он не нужен! – возмутилась я, дернув страховочный шнур.

– Уважь своего боязливого отца.

– Боязливого? Да ты ничего не боишься! Ты же воюешь с креллами!

Отец рассмеялся:

– Я лучше встречусь с сотней крельских кораблей, чем с твоей матерью, если ты вернешься домой со сломанной рукой, малышка.

– Никакая я не малышка! А если я сломаю руку, можешь оставить меня тут, пока она не срастется! Я буду сражаться с пещерными чудовищами, одичаю, стану ходить в шкурах

и...

– Лезь давай, – с улыбкой сказал отец. – С пещерными чудовищами сразишься в другой раз. Хотя мне кажется, тут ты не найдешь никаких чудовищ, кроме длиннохвостых и зубатых.

Скрепя сердце пришлось признать, что энергошнур действительно помог, и я подтянулась выше. Мы добрались до трещины, и отец подтолкнул меня вперед. Я ухватилась за край и вылезла из пещеры, впервые в жизни оказавшись на поверхности.

Она была такая... открытая!

Я раскрыла рот от изумления и уставилась наверх, на... ничто. Просто... просто поверхность. Ни потолка, ни стен. Я всегда представляла себе поверхность как очень и очень большую пещеру. Но она оказалась еще больше и вместе с тем меньше, чем я ожидала.

Вот это да!

Отец выбрался следом за мной и отряхнул комбинезон от пыли. Я посмотрела на него, потом снова на небо. И заулыбалась до ушей.

– Не страшно? – спросил отец.

Я сердито зыркнула на него.

Отец рассмеялся:

– Извини. Неправильное слово. Просто многим людям небо кажется пугающим, Спенса.

– Оно замечательное! – прошептала я, глядя на эту без-

брежную пустоту, на воздух, уходящий вверх, в бесконечную серость, и постепенно сливающийся с чернотой.

Но все же в моем воображении поверхность рисовалась мне более светлой. Нашу планету Россыпь защищало несколько мощных слоев древнего космического мусора, который находился высоко-высоко, за пределами атмосферы. Потерпевшие крушение орбитальные станции, огромные металлические щиты, глыбы старого металла размером с гору – их было там множество слоев, эдаких сломанных панцирей планеты.

Ничего из этого мы не строили. Мы свалились на эту планету, еще когда моя бабушка была маленькой, и все это добро было древним уже тогда. Однако кое-что до сих пор работало. Например, в нижнем слое, ближайшем к планете, были гигантские светящиеся прямоугольники. Я слышала о них. Небесные светильники – огромные летающие фонари, дающие планете освещение и тепло.

Предполагалось, что там еще куча всяких штук поменьше, особенно в самом нижнем слое. Я сощурилась и попыталась что-нибудь разглядеть, но до космоса было слишком далеко. Так что, кроме двух ближайших светильников, висевших прямо над нами, я увидела лишь неясные узоры в серой вышине. Пятна посветлее и пятна потемнее.

– Креллы живут там, наверху? – спросила я. – За поясом обломков?

– Да, – сказал отец. – Они пролетают через дыры в слоях

и нападают на нас.

– А как они нас находят? – не унималась я. – Здесь же так много места! – Похоже, мир был куда больше, чем мне казалось в наших нижних пещерах.

– Они каким-то образом чувствуют, когда люди собираются вместе, – ответил отец. – Каждый раз, как численность населения какой-нибудь пещеры становится слишком большой, креллы нападают и бомбят ее.

Когда-то наш народ был частью флота космических кораблей. Креллы загнали нас к этой планете, где мы совершили аварийную посадку и были вынуждены разделиться, чтобы выжить. Теперь мы жили кланами, каждый из которых вел свою родословную к экипажам одного из тех кораблей.

Бабуля рассказывала мне эти истории много раз. Мы жили здесь, на Россыпи, примерно семьдесят лет, кочевали кланами по пещерам и боялись собираться вместе. До недавнего времени. Теперь мы начали строить истребители и создали тайную базу на поверхности. Мы начали отбиваться.

– А где база Альта? – спросила я. – Ты говорил, мы выйдем наверх рядом с ней. – Я показала на какие-то подозрительные скалы. – Это там, да? Я хочу посмотреть на истребители!

Отец нагнулся, развернул меня на девяносто градусов и показал:

– Вон там.

– Где? – Как я ни всматривалась, в той стороне были лишь

серо-голубые камни и пыль, да еще кратеры от обломков, упавших из мусорного слоя. – Я ничего не вижу.

– В том-то и смысл, Спенса. Мы должны прятаться.

– Но ты же сражаешься, верно? А вдруг креллы со временем узнают, откуда вылетают истребители? Почему бы вам не переместить базу?

– Нам приходится оставлять ее здесь, над Огненной. Это та большая пещера, которую я тебе показывал на прошлой неделе.

– Где все эти машины?

Отец кивнул:

– В Огненной мы обнаружили заводские цеха, это и позволило нам построить истребители. Нужно жить поблизости, чтобы защищать цеха, но мы летаем повсюду, где спускаются креллы, везде, где они хотят бомбить.

– Ты защищаешь другие кланы?

– Для меня есть только один клан – человечество. До того как мы потерпели крушение здесь, мы все были частью одного флота, и когда-нибудь все кочующие кланы вспомнят об этом. Они придут, когда мы их позовем. Мы соберемся все вместе, построим большой город и заново возродим цивилизацию.

– А креллы ее не разбомбят? – спросила я, но тут же сама и ответила: – Нет. Не смогут, если мы будем достаточно сильными. Если будем защищаться.

Отец улыбнулся.

– Я заведу себе собственный корабль, – сказала я. – Буду летать на нем, как ты. И тогда никто в клане не сможет посмеяться надо мной, потому что я буду сильнее всех!

Отец ответил не сразу, внимательно глядя на меня.

– Так ты поэтому хочешь стать пилотом?

– Никто не посмеет обзывать пилота мелюзгой! – сказала я. – Никто не будет считать меня странной, и я перестану огребать неприятности из-за драк, потому что драка станет моей работой! Меня больше не будут обзывать и все сразу полюбят.

«Как тебя», – подумала я.

После этих слов отец по какой-то глупой причине обнял меня, хотя я сказала чистую правду. А я обняла его в ответ, потому что родители это любят. Кроме того, приятно, когда тебе есть кого обнять. Может, не стоило оставлять Рудомета внизу.

У отца перехватило дыхание, и я решила, что он плачет, но он не плакал.

– Смотри! – воскликнул он, указывая на небо. – Вон там!

И снова все это пространство поразило меня. Оно было таким большим!

Отец показывал на что-то конкретное. Я присмотрелась, но не увидела ничего особенного, только один участок серо-черного неба был темнее остальных. Неужели дыра в поясе обломков?

В это мгновение я заглянула в бесконечность. Тело со-

трясла дрожь, как будто рядом упал миллиард метеоритов. Я увидела сам космос, с маленькими белыми точечками, совершенно не похожими на небесные светильники. Эти точки сверкали, и казалось, что они где-то очень-очень далеко.

– Что это за огоньки? – шепотом спросила я.

– Это звезды, – сказал отец. – Я летаю рядом с обломками, но звезд почти никогда не вижу. До них слишком много слоев. Я всегда спрашиваю себя: а что, если вырваться туда, ввысь?

В его голосе было такое благоговение. Никогда еще я не слышала, чтобы он так говорил о чем-нибудь.

– Ты поэтому летаешь, да? – спросила я.

Мне всегда казалось, что отца совсем не интересует то восхищение, которое выражали ему члены клана. Как ни странно, оно его даже смущало.

– Когда-то мы жили там, среди звезд, – прошептал он. – Там наше настоящее место, а не в этих пещерах. Дети, что смеются над тобой, пойманы в ловушку этими камнями. У них и головы из камня, и сердца. А ты стремись к чему-нибудь более высокому. Более величественному.

Обломки сдвинулись, отверстие медленно сжималось, пока в конце концов не осталась видна только одна звезда, светившая ярче остальных.

– Стремись к звездам, Спенса, – сказал отец.

Я точно знала, что когда-нибудь обязательно стану пило-

том. Буду летать и сражаться. Я только надеялась, что отец оставит немного креллов и на мою долю.

В небе что-то сверкнуло, и я прищурилась. Где-то в вышине далекий обломок ярко вспыхнул, войдя в атмосферу. За ним упал еще один. И еще. Потом они посыпались дюжинами.

Отец нахмурился и потянулся к рации – крутой штуке, которую выдавали только пилотам. Он поднес массивное устройство к губам:

– Говорит Ловец. Я на поверхности. Вижу падение обломков неподалеку от Альты.

– Мы уже заметили, Ловец, – донесся из рации женский голос. – Показания радара сейчас изучают, и... Тьма! Это креллы.

– К какой пещере они направляются? – спросил отец.

– Они направляются... Ловец, они направляются сюда. Летят напрямиком к Огненной. Помогите нам, звезды! Они захватили базу!

Отец опустил рацию.

– Обнаружен массовый прорыв креллов! – продолжал звучать в рации женский голос. – Всем, всем, всем! У нас ЧП! Чрезвычайно большая группа креллов прорвалась через слой обломков! Всем истребителям доложить! Они летят к Альте!

Отец взял меня за руку:

– Идем-ка обратно.

– Ты нужен там! – сказала я. – Ты должен сражаться!

– Я должен отвести тебя...

– Я сама доберусь. Подумаешь – самые обычные туннели.

Отец снова посмотрел на обломки.

– Ловец! – послышался из рации новый голос. – Ловец, ты тут?

– Барбос? – отозвался отец, щелкнув кнопкой и поднимая рацию к губам. – Я на поверхности.

– Прочисти мозги Виразу и Свингу! Они заявляют, что нам надо бежать.

Отец беззвучно выругался и снова нажал на кнопку.

– ...еще не готовы к открытому столкновению, – донеслось из рации. – Нас уничтожат.

– Нет! – возразила другая женщина. – Мы должны остаться и принять бой.

Дюжина голосов заговорила одновременно.

– Броня права, – сказал отец, и все в канале, что примечательно, сразу притихли. – Если они начнут бомбить Огненную, мы потеряем завод. Мы потеряем все. Если мы хотим когда-нибудь вернуть себе цивилизацию, вернуть весь мир, мы должны биться здесь!

Я молча ждала, затаив дыхание, и надеялась, что отцу сейчас не до того, чтобы отсылать меня домой. При мысли о сражении меня бросало в дрожь, но я все равно хотела это видеть.

– Принимаем бой, – сказала та женщина.

– Принимаем бой, – повторил Барбос. Я знала его по имени, но никогда не видела. Он был отцовским напарником. – Наконец-то настоящее дело! Ну что, Ловец, на этот раз я тебя точно обставлю в небе! Вот увидишь, скольких я собью!

Кажется, Барбос немного нервничал, но, судя по голосу, ему не терпелось ринуться в битву. Он сразу мне понравился.

Отец чуть помедлил, потом сдернул с руки браслет с энергошнуром и сунул его мне:

– Обещай, что пойдешь прямым домой.

– Обещаю.

– Нигде не задерживайся.

– Не буду.

Отец поднял рацию:

– Это мы еще посмотрим, Барбос! Все, я бегу к Альте.
Конец связи.

Он помчался по пыльной земле в ту сторону, куда прежде указывал. Потом остановился и повернул обратно. Сорвал с груди значок, бросил мне, словно сверкающий осколок звезды, и опять побежал к тайной базе.

Конечно же, я немедленно нарушила обещание. Я вернулась к трещине, сжимая в руке отцовский значок, спряталась там и сидела, пока не увидела, как истребители взмыли с Альты и устремились в небо. Прищурившись, я разглядела, как сверху к ним метнулся рой темных крельских кораблей.

В конце концов, в кои-то веки проявив здравомыслие, я

решила, что лучше будет послушаться отца. Я спустилась в пещеру при помощи энергошнура, подобрала свой рюкзак и направилась в туннели. Я решила, что если потороплюсь, то успею вернуться в свой клан как раз вовремя, чтобы послушать трансляцию боя по нашему единственному общественному радиоприемнику.

Но я ошиблась. Дорога оказалась длиннее, чем мне запомнилось, да я еще и умудрилась сбиться с пути. Так что я бродила по туннелям, представляя себе грандиозную битву наверху, а в это время мой отец позорно покинул строй и бежал от врагов. В наказание его сбило его же собственное звено. К тому времени, как я добралась домой, битва была выиграна, мой отец погиб.

А я получила клеймо дочери труса.

Часть первая

1

Я осторожно кралась за своим врагом через пещеру.

Я сняла ботинки, чтобы они ненароком не скрипнули. Стащила носки, чтобы не поскользнуться. Ощущая приятную прохладу камня под ногами, я сделала очередной бесшумный шаг вперед.

В этой впадине единственным источником света было слабое свечение от личинок на потолке, которые питались сочащейся через трещины жидкостью. Приходилось некоторое время посидеть в полумраке, чтобы глаза приспособились к такому освещению.

В темноте снова что-то шевельнулось. Во-он там, возле тех черных глыб – наверное, вражеских укреплений. Я пригнулась к земле и застыла, вслушиваясь, как шуршат камни под ногами моего врага. Я представила себе крелла – жуткого красноглазого инопланетянина в черных доспехах.

Твердой рукой, мучительно медленно, я поднесла ружье к плечу, затаила дыхание и выстрелила.

Пронзительный визг боли был мне наградой.

«Есть!»

Я похлопала по запястью, включая отцовский энер-

гошнур. Он откликнулся красно-оранжевым светом, на мгновение ослепив меня.

А потом я бросилась вперед за своим призом – мертвой крысой, пронзенной насквозь.

В луче света тени, представлявшие мне вражескими укреплениями, снова превратились в камни. Моим врагом была пухлая крыса, а моим оружием – самодельное гарпунное ружье. Девять с половиной лет миновало с того рокового дня, когда я выбралась на поверхность вместе с отцом, но мое воображение было все таким же живым. Пережить монотонность существования было легче, если я притворялась, что занимаюсь чем-то более важным, чем охота на крыс.

Я подняла дохлого грызуна за хвост:

– Теперь ты познала силу моего гнева, адская тварь!

Оказалось, что из странных девочек вырастают странные молодые женщины. Но я считала, что следует оттачивать навыки глумления и сарказма для того времени, когда я действительно начну сражаться с креллами. Бабуля говорила, что великие воины знают, как бахвальством вселять страх и неуверенность в сердца врагов.

Я засунула трофей в рюкзак. Это была уже восьмая – неплохая добыча. Успею ли я выследить еще одну?

Крошечные часы на браслете энергошнура, рядом с индикатором зарядки, показывали: «0900». Наверное, пора было поворачивать обратно, а то я могла пропустить слишком много уроков.

Я закинула рюкзак на плечо, подобрала ружье, собранное из найденных в пещерах деталей, и зашагала в сторону дома. Ориентировалась я по картам, которые сама нарисовала в маленьком блокнотике и с тех пор постоянно дополняла.

В глубине души я жалела, что приходится возвращаться и покидать эти безмолвные пещеры. Они напоминали мне об отце. Кроме того, мне нравилось, как здесь... пусто. Некому было насмеяться надо мной, некому глазеть на меня, шептать оскорбления, пока у меня не лопнет терпение и я не решу защитить честь своей семьи, врезав обидчику кулаком прямо по его тупой морде.

Я остановилась на знакомом перекрестке, где пол и потолок сменялись странными металлическими узорами. Обе поверхности покрывали круглые рисунки с какими-то научными надписями. Я всегда думала, что это, скорее всего, старинные карты галактики. На дальней стороне огромного зала торчала древняя каменная труба, одна из тех, по которым воду перемещали между пещерами, очищали и использовали для охлаждения станков. В ведре, которое я оставляла под протекающим швом, набралась уже половина, и я жадно припала к нему. Прохладная и освежающая, вода имела металлический привкус.

Мы мало знали о людях, построивших эти цеха. Как и пояс обломков, они уже были здесь, когда наш маленький космофлот совершил вынужденную посадку на эту планету. Они были делом рук человеческих, так же как и надписи в

других местах, подобных этому, тоже выведенные на человеческих языках. Но насколько дальними родственниками эти люди были по отношению к нам, оставалось загадкой и поныне. Никого из них здесь не осталось, а оплавленные пятна и древние обломки свидетельствовали о том, что они вели собственную войну.

Я перелила остаток воды в свою флягу, ласково похлопала большую каменную трубу, прежде чем убрать ведро, и пошла дальше. Станки словно бы откликнулись далеким знакомым гудением. Я двинулась на звук и через некоторое время добралась до светящейся широкой трещины в камне слева от меня.

Я поднялась к ней и заглянула в Огненную, мою родную пещеру и самый большой из подземных городов, входящих в Лигу Непокорных. Мой наблюдательный пункт располагался высоко, и оттуда открывался потрясающий вид на большую пещеру, заполненную приземистыми квадратными домами, которые напоминали кубики.

Мечта моего отца исполнилась. В тот день, девять с лишним лет назад, неопытные пилоты, одолевшие креллов, основали новое государство. Десятки некогда кочевых кланов собрались вместе и заселили Огненную и соседние с ней пещеры. Однако каждый клан по-прежнему сохранял свое собственное название, восходящее к названию того корабля или корабельного отсека, откуда он вел свой род. Мой клан носил имя «Мотористы» – от старого слова, обозначавшего ма-

шинную команду.

Все мы называли себя Непокорными – по имени нашего изначального флагманского корабля.

Конечно же, воссоединившись, мы привлекли внимание креллов. Инопланетяне по-прежнему стремились уничтожить человечество, так что война продолжалась и нам требовался постоянный приток истребителей и пилотов, чтобы защищать наше молодое государство.

Над зданиями Огненной высились древние домны, нефтеперерабатывающие установки и цеха, качавшие из глубин расплавленную породу, а затем создающие детали для постройки истребителей. Все это оборудование было удивительным и совершенно уникальным: хотя техника в других пещерах обеспечивала тепло, электричество и фильтрованную воду, но только мощности Огненной позволяли организовать производство.

От проникающего сквозь трещину горячего воздуха мой лоб покрылся бусинками пота. Огненная, со всеми ее цехами, очистительными сооружениями и цистернами с водорослями была настоящим пеклом. И хотя здесь хватало освещения, почему-то всегда казалось, что внутри мрачно из-за лежащих на всем красно-оранжевых отблесках, которые шли от нефтеперегонных установок.

Я спустилась от трещины к старому шкафчику ремонтников – когда-то я нашла его тут в стене. Его дверца на первый взгляд не отличалась от других секций каменного туннеля

и потому обеспечивала подобие безопасности. Я отворила дверцу; за ней лежало мое скудное тайное имущество. Кое-какие запасные части для гарпунного ружья, запасная фляга и пилотский значок отца. Я потеряла его на удачу, потом сложила в шкафчик энергошнур, блокнот с картами и ружье.

Оттуда я достала копье с грубым каменным наконечником, защелкнула дверцу и закинула рюкзак на плечо. Нести восемь крыс может быть на удивление неудобно, особенно если твое тело даже к семнадцати годам отказалось вырасти выше ста пятидесяти одного сантиметра.

Я спустилась к нормальному входу в пещеру. Его охраняли двое солдат из наземных войск, вряд ли бывавшие когда-то в настоящем бою. Хотя я знала их обоих, они все равно заставили меня отойти в сторону и притворились, будто уточняют по рации, можно ли мне войти. На самом деле им просто нравилось заставлять меня ждать.

Каждый день. Каждый, тьма его побери, день.

Через некоторое время Алуко подошел ко мне и начал с подозрением копаться в моем рюкзаке.

– Ну, и какую контрабанду я, по-твоему, могу принести в город? – спросила я его. – Щебенку? Мох? Может, какие-нибудь камни, оскорбляющие твою мать?

Алуко уставился на мое копье, словно недоумевая, как мне удалось с таким примитивным оружием добыть восемь крыс. Вот и пускай ломает голову. В конце концов он сунул мне рюкзак обратно:

– Проваливай, трусиха.

«Так, спокойно». Я вскинула подбородок:

– Однажды ты услышишь мое имя и заплачешь от счастья при мысли о том, что когда-то тебе повезло помогать дочери Ловца.

– Я скорее вообще забуду, что знал тебя. Вали давай.

В Огненную я вошла с гордо поднятой головой и сразу же направилась к Великому промышленному подъему – так назывался мой район. Я пришла во время пересменки, и мне навстречу шагали рабочие в комбинезонах разных цветов; цвет обозначал их место в огромном механизме, благодаря которому существовала Лига Непокорных и продолжалась война против креллов. Это были работники санитарно-гигиенической службы, ремонтники, водорослеводы.

Все, кроме пилотов. Во внеслужбное время пилоты оставались в глубоких пещерах, в резерве, а те, кто находился на дежурстве, жили в Альте – на той самой базе, при защите которой погиб мой отец. Она перестала быть секретной и превратилась в крупную военную базу на поверхности, где размещались десятки кораблей, здание командного центра и учебно-тренировочные комплексы. Именно там я должна была поселиться с завтрашнего дня, когда выдержу тест и стану кадетом.

Я прошла под большим металлическим памятником Первым Гражданам – группе людей, с вызовом обращавших к небу символическое оружие. За их спинами были изобра-

жены взлетающие корабли. Хотя этот памятник посвящался тем, кто участвовал в знаменитой Битве за Альту, моего отца среди них не было.

Следующий поворот привел меня к нашему дому, одному из многих металлических кубиков, прилепившихся к более крупному центральному. Наш был невелик, но его хватало для троих, особенно с тех пор, как я стала целыми днями пропадать за пределами пещеры, охотясь и исследуя окрестности.

Матери дома не было, а Бабулю я нашла на крыше: она сворачивала роллы из водорослей, чтобы потом продать их с нашей тележки. Официальная работа для матери была запрещена из-за того, что якобы сделал отец, поэтому нам приходилось как-то изворачиваться.

Заслышав меня, Бабуля подняла голову. Звали ее Бекка Найтшейд – я носила ту же фамилию, – но даже те, кто был едва с ней знаком, называли ее Бабулей. Несколько лет назад она почти полностью потеряла зрение из-за катаракты. Спина ее совсем сгорбилась, а худые руки стали похожи на палки. Но она все равно оставалась самым сильным человеком из всех, кого я знала.

– О-о! – сказала Бабуля. – Никак Спенса? Сколько сегодня подстрелила?

– Восемь! – Я бросила добычу к ее ногам. – И некоторые очень даже жирненькие!

– Садись, садись. – Бабуля отодвинула в сторону циновку

с водорослями. – Давай-ка сразу освежаем их и приготовим. Если поторопимся, твоя мать сможет их сегодня же продать, а я выдублию шкурки.

Возможно, мне все-таки стоило пойти на уроки – Бабуля снова о них забыла, – но был ли в этом смысл, если честно? В то время нам просто рассказывали о том, какие виды работ существуют в пещере. Я уже выбрала, кем стану. Хотя все знали, что тест на пилота очень трудный, мы с Роджем готовились к нему десять лет. И точно знали, что пройдем его. Так зачем мне слушать о том, как круто выращивать водоросли или заниматься еще чем-нибудь в том же духе?

Кроме того, раз уж мне приходилось тратить время на охоту, я пропустила много уроков, а значит, ни для какой другой работы все равно не подойду. А вот занятия по проектированию и ремонту кораблей, математике, военной истории и всем остальным наукам, как-то связанным с полетами, я не пропускала никогда. Любой же другой урок, на который удавалось попасть, считался уже бонусом.

Я уселась и стала помогать Бабуле потрошить крыс. Она работала на ощупь, быстро и аккуратно.

– Про кого хочешь послушать сегодня? – спросила Бабуля, опустив голову и почти закрыв глаза.

– Про Беовульфа!

– А-а, короля гаутов! А может, про Лейфа Эриксона? Твой отец любил его больше всех.

– Он убил дракона?

– Он открыл новый мир.

– С драконами?

Бабуля усмехнулась:

– С пернатым змеем, если верить некоторым легендам, но я не слыхала, чтобы они сражались. Итак, Беовульф. Он был сильным человеком. И кстати, твоим предком. Дракона он убил уже в старости. Сперва он прославился победами над чудовищами.

Я молча работала ножом, свежая и потроша крыс, потом нарезала мясо и отправляла в кастрюлю тушиться. Большинство людей в городе жили на макаронах из водорослей. Настоящее мясо коров или свиней, которых выращивали в пещерах со специальным освещением и регулированием температурно-влажностного режима, было слишком большой редкостью, чтобы есть его каждый день. Так что их заменили крысы.

Мне нравилось, как Бабуля рассказывает истории. Ее голос становился тихим, когда шипели монстры, и громким, когда похвалялись герои. Ее проворные пальцы делали свою работу, пока сама она плела повествование о древнем герое-викинге, который пришел на помощь датчанам в час нужды. О войне, которого любили все. О человеке, который храбро сражался даже против врага, превосходящего его числом и могуществом.

– А когда чудовище сбежало, чтобы умереть, – сказала Бабуля, – герой поднял над головой ужасный трофей – лапу

Гренделя. Он отомстил за погибших и доказал свою силу и доблесть.

Снизу донеслось позвякивание. Мать вернулась домой. Но я решила пока проигнорировать это.

– Он оторвал ему лапу голыми руками? – спросила я.

– Он был сильным, – ответила Бабуля, – и настоящим воином. Но его народ сражался руками и мечом. – Она подалась вперед. – А вот тебе в бою придется больше шевелить мозгами. Пилоту истребителя не нужно отрывать кому-то лапы. Ну что, упражнения-то делала?

Я закатила глаза.

– Я все вижу, – сказала Бабуля.

– Нет, не видишь!

– Закрывай глаза.

Я закрыла глаза и запрокинула голову, обратив лицо к далекому потолку пещеры.

– Слушай звезды, – велела Бабуля.

– Я слышу только...

– Слушай звезды. Представь себе, что ты летишь.

Я вздохнула. Я любила Бабулю и ее истории, но эта часть всегда нагоняла на меня тоску. И все-таки я пыталась делать так, как она учила, – сидя с запрокинутой головой, представлять себе, будто взмываешь вверх. Я пыталась добиться, чтобы все остальное вокруг померкло и наверху засияли звезды.

– Я делала это упражнение, – тихо сказала Бабуля, – вместе со своей матерью, в машинном зале «Непокорного».

Это был флагманский корабль, линейный крейсер размером больше всей нашей пещеры. Я сидела и слушала гудение машин и еще чего-то далекого. Голос звезд.

Я попыталась представить Бабулю маленькой девочкой, и каким-то образом это помогло. Не открывая глаз, я вдруг почувствовала, будто почти парю. Поднимаюсь ввысь...

– Остальные члены экипажа нас не понимали, – продолжала Бабуля. – Они считали нас чокнутыми, но благодаря нам корабль двигался. Благодаря нам он летел среди звезд. Мама говорила: это потому, что мы способны слышать их.

Всего на мгновение я подумала об этом – и вдруг действительно что-то услышала. Может, это было лишь игрой моего воображения? Далекий чистый звук...

– Даже здесь, после крушения, мы, люди двигателей, продолжали держаться вместе, – сказала Бабуля. – Клан Мотористов. Если остальные говорят, что ты странная, то лишь потому, что помнят об этом и боятся нас. Это твое наследие. Наследие воинов, кто странствовал в небе и хотел бы вернуться туда. Слушай!

Звуки, которые я, как мне показалось, услышала, растаяли в воздухе, и я наконец медленно выдохнула. Когда я открыла глаза, то даже не сразу поняла, где нахожусь, и с изумлением посмотрела на крышу нашего дома, озаренную красноватым светом Огненной.

– Мы работали с двигателями, благодаря чему корабль летел, – сказала я. – Но какое это имеет отношение к тому,

чтобы быть воинами? Разве стрелять было бы не лучше?

– Только глупцы думают, что оружие важнее, чем стратегия и движение! – возмутилась Бабуля. – Завтра я снова расскажу тебе про Сунь Цзы, величайшего полководца всех времен. Он учил, что войну выигрывают подготовкой и правильным выбором места, а не мечами и копьями. Великий человек этот Сунь Цзы. Кстати, твой предок.

– Мне больше нравится Чингисхан, – сказала я.

– Тиран и чудовище, – отмахнулась Бабуля. – Хотя да, у него есть чему поучиться. А я рассказывала тебе о королеве Боудикке, восставшей против римлян? Она была твоим...

– Предком? – спросила мама, поднимаясь по внешней лестнице. – Она возглавляла племена британских кельтов. Беовульф был шведом, Чингисхан – монголом, а Сунь Цзы – китайцем. И все они якобы были предками моей дочери?

– Мы все пришли со Старой Земли! – заявила Бабуля. – Ты, Спенса, приходишь из рода воинов, уходящего в глубь тысячелетий, – славного рода Старой Земли и ее лучших представителей!

Мать закатила глаза. Она была полной моей противоположностью – высокая, красивая, спокойная. Крыс она, конечно, заметила, но потом строго посмотрела на меня, скрестив на груди руки:

– Может, она и потомок воинов, но сегодня она опоздала на занятия.

– Она сейчас на занятии, – сказала Бабуля. – Очень важ-

ном занятии.

Я вытерла руки о тряпку и встала. Я знала, как Беовульф встречал лицом к лицу чудовищ и драконов, но как он встретил бы лицом к лицу свою мать в тот день, когда ему полагалось быть в школе? Ответить мне было нечего, поэтому я лишь уклончиво пожала плечами.

Мать не сводила с меня глаз.

– Между прочим, Беовульф в схватке с тем драконом погиб, – сказала она.

– Зато сражался до последнего! – возразила Бабуля. – Он одолел зверя, хоть это и стоило ему жизни. И он принес своему народу мир и процветание! Все величайшие воины сражаются за мир, Спенса. Запомни это.

– Это самая большая ирония жизни: необходимо сражаться, чтобы наступил мир, – сказала мать и снова взглянула на крыс. – Спасибо. И все-таки тебе надо идти. Разве тест на пилота у тебя не завтра?

– Я готова к тесту, – заверила ее я, – а сегодня просто учат тому, что мне не нужно.

Мать сурово посмотрела на меня. Великий воин всегда понимает, когда его переиграли, так что я обняла Бабулю и шепнула: «Спасибо».

– Душа воина! – прошептала в ответ она. – Помни об упражнениях. Слушай звезды.

Я улыбнулась ей, спустилась в дом и быстро ополоснулась, прежде чем отправиться на занятия – как я надеялась, в по-

следний раз.

2

– Расскажите нам, пожалуйста, о вашей повседневной работе в Службе фильтрации, гражданин Алфир. – Миссис Вмеер, наш инструктор по профориентации, ободряюще кивнула мужчине, стоящему перед классом.

Этот гражданин Алфир как-то не очень смахивал на сантехника, как я их себе представляла. Ну да, на нем была форменная одежда, в руке – резиновые перчатки, но он был просто до невозможности красив: волевой подбородок, крепкие мускулы, волосатая грудь в распахнутом вороте тесного комбинезона.

Я почти поверила, что именно таким мог быть Беовульф. Пока он не заговорил.

– Ну, мы в основном устраняем засоры в системе, – сказал Алфир. – Очищаем так называемую черную воду – это в основном фекалии, – чтобы их можно было отправить на переработку, где техника уже разделяет их на воду и полезные минеральные вещества.

– Ну, прямо идеальный вариант для тебя, – прошептала Диа, наклонившись ко мне. – Канализация? Это на целую ступень выше, чем дочь труса.

К сожалению, я не могла ей врезать. Не только потому, что она была дочкой миссис Вмеер. Дело в том, что за мной уже числился один привод за драку. После еще одного взыскания

меня бы точно отстранили от сдачи теста. Ну не глупо ли? Ведь пилоты должны уметь драться, разве не так?

Мы сидели на полу в маленькой комнате. Сегодня нам не досталось столов – их изъясил другой инструктор. Я чувствовала себя словно четырехлетний ребенок, которому читают сказку.

– Может, называемся мы и не очень красиво, – сказал Алфир, – но без Службы фильтрации у нас бы не было воды. Пилоты не смогут летать, если им нечего будет пить. В некотором смысле наша работа – самая важная в пещере.

Хотя часть подобных лекций я и пропустила, но наслушалась их достаточно. В начале недели работники Службы вентиляции рассказывали нам, что самая важная – их работа. Как еще днем раньше – строители. И кузнецы, и уборщики, и повара.

Они все говорили практически одно и то же. Что-то насчет того, что все мы – важные детали машины, сражающейся с креллами.

– Каждая работа в пещере – жизненно важная часть механизма, позволяющего нам выживать, – сказал Алфир, словно прочитав мои мысли. – Мы не можем все быть пилотами, но каждая работа почетна.

Ага, теперь он скажет что-нибудь насчет того, как важно знать свое место и выполнять приказы.

– Чтобы присоединиться к нам, вы должны уметь следовать инструкциям, – сказал сантехник. – Вы должны стре-

миться выполнить свою часть работы, какой бы малозначительной она вам ни казалась. Помните: повиновение – вот настоящий вызов.

В целом я была согласна с ним. Пилоты много не навоюют без воды, пищи и систем жизнеобеспечения.

И все же такие профессии означали спокойную, размеренную жизнь. А как же искра, энергия? Мы ведь должны быть Непокорными. Мы воины.

Когда гражданин Алфир завершил свое выступление, класс вежливо похлопал. За окном мимо угловатых статуй текли потоки рабочих. Иногда мы были похожи не столько на военную машину, сколько на часы, отсчитывающие время смен.

Ученики встали на перемену, а я побыстрее отошла в сторонку, не дожидаясь, пока Диа отпустит очередную колкость. Эта девица всю неделю пыталась втравить меня в неприятности.

Вместо этого я приблизилась к долговязому рыжему парню, который сидел в дальнем углу комнаты. Как только урок окончился, он тут же уткнулся носом в книгу.

– Родж! – позвала я. – Тормоз!

Прозвище, оно же позывной, который мы выбрали Роджу на будущее, когда он станет пилотом, заставило его поднять голову.

– Спенса! Ты когда пришла?

– Посреди урока. Ты что, не видел, как я входила?

- Я перебирал в уме схемы полетов. Вот тьма. Всего один день остался. Ты разве не волнуешься?
- Конечно нет. С чего бы мне волноваться? Я справлюсь.
- А я вот не уверен. – Родж снова посмотрел на учебник.
- Шутишь? Ты же знаешь все назубок, Тор.
- Ты лучше зови меня Роджем, ладно? Ну, в смысле – мы же еще не имеем права на позывной. Пока не пройдем тест.
- Который мы стопудово сдадим.
- Но вдруг я что-нибудь не выучил?
- Пять основных разворотов?
- Реверсивный, петля Альстрома, сдвоенный вираж, переворот через крыло и разворот Имбана, – не задумываясь, отчеканил Родж.
- Порог предупреждения перегрузки для различных маневров?
- Для набора высоты и разворота с креном – десять g , для разгона – пятнадцать, и четыре – для пикирования.
- Тип разгонного двигателя у «Поко»?
- Какой модели?
- Нынешней.
- А-19. Ну да, это я знаю, Спенса, но что, если такие вопросы в тест не войдут? Вдруг там окажется что-то такое, чего мы не учили?

Эти слова заронили во мне легкое сомнение. Ну да, мы выполняли тренировочные задания, но реальное содержание пилотского теста менялось каждый год. Там всегда были во-

просы про двигатели, детали истребителя и маневры – но теоретически туда могли включить любую тему из школьной программы.

Я пропустила кучу занятий, но знала, что беспокоиться не стоит. Беовульф бы точно не беспокоился. Уверенность – вот основа героизма.

– Я собираюсь сдать этот тест на отлично, Тор, – сказала я. – Мы с тобой станем лучшими пилотами Сил самообороны. Мы будем сражаться так, что при нашем приближении креллы начнут рыдать от отчаяния, вознося к небу жалобные причитания, которые поплывут ввысь, как дым над погребальным костром!

Тор наклонил голову набок.

– Что, малость перебор? – спросила я.

– И откуда ты только это берешь?

– Ну, что-то в подобном духе мог бы сказать Беовульф.

Родж снова принялся зубрить, и мне, возможно, стоило бы последовать его примеру. Но в глубине души я была по горло сыта зубрежкой и попытками впихнуть в свою голову еще что-нибудь. Я хотела уже наконец пройти испытание.

К сожалению, в тот день у нас был назначен еще один урок. Я слушала, как другие ученики – человек десять – болтают между собой, но у меня не было настроения терпеть их глупость. Я стала расхаживать из стороны в сторону, словно запертое в клетке животное, и тут заметила, что ко мне направляется миссис Вмеер в компании этого сантехника Ал-

фира.

На миссис Вмеер была ярко-зеленая юбка, но реальным показателем ее достижений был серебряный значок кадета, приколотый к блузке. Это означало, что она прошла тест на пилота. Из летной школы ее, наверное, отчислили – иначе значок был бы золотым, – но такое случалось довольно часто. А здесь, внизу, в Огненной, даже кадетский значок был свидетельством значительного успеха. Миссис Вмеер полагались привилегии в распределении одежды и продуктов.

Миссис Вмеер была неплохой учительницей: она особо не выделяла меня среди других учеников и даже не смотрела косо в мою сторону. Она даже мне по-своему нравилась, несмотря на то что ее дочь была сущим отродьем тьмы и годилась лишь на то, чтобы наварить из ее трупа яду.

– Спенса, – сказала миссис Вмеер, – гражданин Алфир хочет поговорить с тобой.

Я собралась с духом, ожидая, что сейчас последуют вопросы о моем отце. Все постоянно спрашивали о нем. Каково это – жить, ощущая себя дочерью труса? Хотелось бы мне иметь возможность скрыть это? Не думала ли я над сменой фамилии? Люди, считающие себя чуткими, почему-то вечно лезут с подобными вопросами.

– Я слышал, – сказал Алфир, – что ты неплохой разведчик.

Я уже открыла было рот, чтобы сказать ответную гадость, – и прикусила язык. Чего-чего?

– Ты ведь ходишь в пещеры на охоту? – добавил он.

– Ну да, – сказала я. – За крысами.

– Нам нужны такие люди, как ты, – сказал Алфир.

– Где, в сантехниках?

– Очень часто оборудование, которое мы обслуживаем, проходит через отдаленные пещеры. Мы организуем туда экспедиции, и нам требуются для них бывалые люди. Если ты нуждаешься в работе, я могу тебе ее предложить.

Работа. Сантехником?

– Я хочу стать пилотом, – выпалила я.

– Тест на пилота трудный, – сказал Алфир, взглянув на нашу учительницу. – Его мало кто проходит. А я предлагаю тебе гарантированное место у нас. Ты точно не хочешь обдумать мое предложение?

– Нет, спасибо.

Алфир пожал плечами и удалился. Миссис Вмеер посмотрела на меня, потом покачала головой и пошла встречать нового лектора.

Я отступила к стене и скрестила руки на груди. Миссис Вмеер знала, что я собираюсь стать пилотом. С чего вдруг ей пришло в голову, будто я могу принять подобное предложение? Алфир ничего обо мне не узнал бы, если бы она не сказала. Что за фигня происходит?

– Они не дадут тебе стать пилотом, – сказал кто-то рядом со мной.

Я посмотрела в ту сторону и запоздало осознала, что по-

дошла к Дие. Темноволосая девушка сидела на полу, прильнув к стене. Чего, спрашивается, она не болтает с другими?

– А куда они денутся? – буркнула я в ответ. – Тест на пилота может любой сдавать.

– Сдавать – может, – сказала Диа. – Но они решают, кто прошел, и не всегда честно. Детей Первых Граждан принимают автоматически.

Я посмотрела на рисунок с изображением Первых Граждан. Такие висели во всех кабинетах. Да, я знала, что их детей автоматически принимают в летную школу. Они это заслужили, потому что их родители сражались в Битве за Альту.

Формально то же самое можно было сказать и о моем отце, но я не рассчитывала, что это мне поможет. И все-таки мне всегда говорили, что хорошие результаты теста позволят любому, независимо от статуса, попасть в летную школу. ССН – Силам самообороны Непокорных – безразлично, кто ты, если ты умеешь летать.

– Я знаю, что они не считают меня дочерью Первого, – сказала я. – Но если я пройду тест, я поступлю. Как и всякий другой.

– В том-то и дело, идиотка. Ты его не пройдешь, что бы там ни было. Я слышала, как мои родители разговаривали об этом прошлой ночью. Адмирал Броня приказала тебя не брать. Неужели ты вправду думала, что они позволят дочери

Ловца вступить в ССН?

– Врешь! – Мое лицо похолодело от гнева. Опять она пыталась поддеть меня, вывести из себя!

Диа пожала плечами:

– Вот увидишь. Мне-то без разницы – отец уже подыскал мне работу в Службе управления.

Я засомневалась. Это не было похоже на ее обычные нападки. Ни этих вечных ядовитых подколов, ни стремления повеселиться за мой счет. Ей... ей, кажется, действительно было безразлично, верю ли я.

Я быстро прошла через кабинет туда, где миссис Вмеер разговаривала с новым лектором, женщиной из Службы водорослеводов.

– Нам нужно поговорить, – сказала я ей.

– Подожди немного, Спенса.

Но я осталась стоять, скрестив руки на груди, и мешать их беседе, и в конце концов миссис Вмеер вздохнула и потянула меня в сторонку.

– Ну что такое, девочка? – спросила она. – Ты все-таки решила принять любезное предложение гражданина Алфира?

– Это правда, будто адмирал лично приказала, чтобы я не прошла пилотский тест?

Миссис Вмеер сощурила глаза, потом повернулась и посмотрела на дочь.

– Правда? – повторила я.

– Спенса, – сказала миссис Вмеер, снова переводя взгляд

на меня, – ты должна понять – это очень деликатная тема. Репутация твоего отца...

– Правда или нет?!

Миссис Вмеер поджала губы и не ответила.

– Так, значит, все эти разговоры о равенстве, о том, что важно лишь мастерство, что надо найти свое место и нести свою службу там, – просто ложь? – спросила я.

– Это все сложно, – сказала миссис Вмеер и добавила, понизив голос: – Послушай, почему бы тебе не пропустить завтрашний тест, чтобы не ставить всех в неловкое положение? Приходи ко мне, и мы поговорим, какая работа тебе может подойти. Если не сантехники, то, может, наземные войска?

– Чтобы целыми днями торчать в карауле? – почти выкрикнула я. – Я хочу летать! Хочу проявить себя!

Миссис Вмеер вздохнула и покачала головой:

– Мне очень жаль, Спенса, но этого не будет. Лучше бы кому-нибудь из учителей хватило храбрости развеять твои заблуждения, пока ты была помладше.

Мой мир рухнул. Мое вымечтанное будущее. Старательно придуманное бегство от полной насмешек жизни.

Ложь. Ложь, которую я всегда чувствовала в глубине души. Ну конечно, они не собирались допустить, чтобы я прошла тест. Ну конечно, я создавала для них слишком много неудобств, чтобы позволить мне летать.

Мне хотелось рвать и метать. Хотелось ударить кого-нибудь, что-нибудь сломать, кричать до тех пор, пока легкие не

изойдут кровью.

Но вместо этого я вылетела прочь из класса, подальше от ехидных взглядов остальных учеников.

3

Я искала убежища в тихих пещерах. Вернуться к матери и бабушке я не осмелилась. Мама, разумеется, была бы счастлива: креллы лишили ее мужа, и она очень боялась потерять еще и меня. А вот Бабуля... она бы точно приказала мне бороться.

Но с кем бороться? Армия меня не хочет.

Чувствовала я себя полной дурой. Все это время я твердила себе, что стану пилотом, а на самом деле у меня не было ни единого шанса. Должно быть, учителя все эти годы тайком ухихатывались надо мной.

Я прошла через незнакомую пещеру, уже за исследованными мной пределами, в нескольких часах пути от Огненной. И все равно гнев и стыд не отпускали меня.

Какой же я была идиоткой!

Я приблизилась к краю подземного обрыва, опустилась на колени и, постучав двумя пальцами по ладони, включила отцовский энергошнур. Браслет засветился ярче. Бабуля сказала, что мы принесли их с собой на Россыпь, что это элемент снаряжения разведчиков и воинов старого человеческого космофлота. Мне не полагалось владеть энергошнуром, все думали, что он был уничтожен, когда отец разбился.

Я приложила запястье к камню и снова стукнула пальцами по ладони. По этой команде энергошнур приклеил браслет

к каменной стене.

Постукивание тремя пальцами высвободило новый отрезок шнура. Теперь я могла перебраться через край и по световой веревке спуститься на дно. После очередного постукивания веревка отцепилась от камня и втянулась обратно в браслет. Я не знала, как он работает, знала только, что его надо подзаряжать раз в пару месяцев, что я и делала, тайком подключаясь к проводке в пещерах.

Крадучись, я пошла через пещеру, заросшую грибами курди. Они были паршивыми на вкус, но съедобными, и их любили крысы. Первоклассное местечко для охоты. Так что я выключила свет и стала ждать, напряженно вслушиваясь.

Я никогда не боялась темноты. Она напоминала мне об упражнении, которому меня обучила Бабуля, – когда я парила, поднимаясь к поющим звездам. Если ты боец, ты не можешь бояться темноты. А я боец.

Я ведь собиралась... собиралась стать пилотом.

Подняв голову кверху, я попыталась прогнать это ощущение потери. Представить, что я лечу. Поднимаюсь к звездам. И мне снова показалось, будто кто-то меня зовет – словно бы далекий голос флейты.

Раздавшийся поблизости шорох вернул меня к реальности. Шкрябанье крысиных когтей по камням. Я подняла гарпунное ружье; знакомое движение дало мне ориентир, и браслет на руке слабо засветился.

Перепуганная крыса развернулась ко мне. Мой палец на

спусковом крючке дрожал, но я не стала стрелять в удирающего зверька. Зачем это все? Я что, действительно собираюсь жить так, словно ничего не произошло?

Обычно исследование пещер помогало мне выбросить из головы свои проблемы. Сегодня же они упорно отравляли существование, словно камешек в ботинке. «Ты помнишь? Ты не забыла, что у тебя украли мечту?»

Я чувствовала себя так же, как в первые дни после смерти отца. Когда каждое мгновение, каждая вещь, каждое слово напоминало мне о нем и о пустоте, внезапно возникшей в душе.

Вздыхнув, я прикрепила конец энергошнура к гарпуну и велела прилипнуть к тому месту, которого он коснется. Потом прицелилась в верхушку другого утеса и выстрелила. Невесомый светящийся шнур прилепился к камню. Я полезла вверх; заброшенное за спину ружье лязгало.

В детстве я представляла себе, что отец выжил после крушения. Что он заблудился в этих бесконечных туннелях, не нанесенных ни на одну карту. Я представляла, как спасаю его, будто какой-то персонаж Бабулиных историй – Гильгамеш, или Жанна д'Арк, или Тарзан из Грейстоука. Какой-нибудь герой, в общем.

Пещера слабо вздрогнула, словно бы от возмущения, и с потолка посыпалась пыль. Это сверху что-то грохнулось.

«Близко как», – подумала я. Неужели я так далеко забралась? Я достала блокнот с нарисованными картами. За пре-

дела изученной территории я вышла уже довольно давно. Несколько часов назад уж точно. А еще я несколько пещер назад ненадолго уснула...

Я посмотрела на часы на браслете. Ночь наступила и завершилась, и уже приближался полдень того дня, на который был назначен тест. Он должен был пройти вечером. Возможно, мне стоило бы повернуть обратно. Мама и Бабуля забеспокоятся, если я там не появлюсь.

«Да к черту их тест!» – подумала я, представив, как это будет унижительно, если меня выставят за порог. Вместо этого я протиснулась через узкую щель в другой туннель. Ну хоть где-то хорошо, что я маленькая.

Очередной удар сотряс пещеры. Когда сверху сыплется столько обломков, выбираться на поверхность глупо. Ну и плевать. Мною вдруг овладела безбашенность. Я чувствовала, почти слышала, как что-то ведет меня вперед. Я лезла вверх, пока не добралась до расщелины в потолке. Сквозь нее проникал свет, но он был ровным, стерильно-белым, без оранжевого оттенка. Еще сквозь щель тянуло холодным сухим воздухом. Добрый знак. Я пропихнула рюкзак, потом сама протиснулась через щель к свету.

Поверхность. Я подняла голову и снова увидела небо. И как всегда, у меня перехватило дыхание.

В отдалении, сквозь брешь в небе, на землю лился свет, но я находилась в основном в тени. Небо над головой искрилось от потока падающих обломков. Светящиеся линии на-

поминали косые росчерки. Среди них кружили три истребителя-разведчика. Наблюдали. Падающие обломки нередко оказывались частями кораблей или другого космического мусора и могли стать ценным трофеем. Но они устраивали хаос на экранах радаров и могли замаскировать вторжение креллов.

Я стояла посреди серо-голубой пыли и чувствовала, как меня переполняет благоговейный восторг. Ветер касался моих щек – редкостное ощущение! Я подошла совсем близко к базе Альта: она уже виднелась вдали – наверное, минутах в тридцати ходьбы. Теперь, когда креллы знали, где мы находимся, прятать базу не имело смысла, и она из потайного бункера превратилась в несколько больших зданий внутри огражденного периметра, с зенитными установками и силовым щитом, прикрывающим ее от обломков.

Рядом с базой несколько человек трудились на узкой полоске с полями и деревьями. Мне это всегда казалось странным. Что они там вообще делают? Пытаются выращивать пищу на этой пыльной почве?

Я не решалась подойти ближе. Часовые могли принять меня за мародера из какой-нибудь дальней пещеры. И все же было нечто притягательное в упорной зелени этих полей и непоколебимых стенах базы. Альта была памятником нашей решимости. На протяжении трех поколений люди жили на этой планете, словно кочующие крысы, но больше мы не будем прятаться!

Звено истребителей понеслось к Альте, и я шагнула следом за ними. «А ты стремись к чему-нибудь более высокому, – сказал мой отец. – Более величественному...»

И куда это меня привело?

Я закинула на плечи рюкзак и ружье, а потом свернула в другую сторону. Мне уже доводилось бывать в одном из близлежащих туннелей, и я решила, что новые исследования позволят заполнить брешь между некоторыми моими картами. Увы, когда я добралась до того туннеля, оказалось, что вход обрушился.

Какие-то космические обломки ударились о поверхность невдалеке, подняв облако пыли. Я вскинула голову и увидела, что сверху несутся еще несколько обломков, поменьше; раскаленные металлические глыбы...

Пали прямехонько на меня.

Тьма!!!

Я помчалась туда, откуда пришла.

«Нет! Нет-нет-нет-нет-нет!» Воздух задрожал, и я ощутила жар приближающихся обломков.

Вот оно! Впереди показалось небольшое отверстие – то ли щель, то ли вход в пещеру. Я кинулась к нему и нырнула внутрь.

Позади раздался чудовищный грохот – как будто содрогнулась вся планета. Я в панике активировала энергошнур, хлопнула ладонью по камню – и рухнула в водоворот хаоса. Вскоре я повисла на шнуре, а вокруг падали мелкие облом-

ки. Пещера дрожала.

Потом все стихло. Я сморгнула попавшую в глаза пыль и обнаружила, что болтаюсь на шнуре посреди маленькой пещеры, метров десять-пятнадцать высотой. Рюкзак я где-то потеряла и сильно ободрала руку.

Здорово. Просто отлично, Спенса. Вот до чего тебя довел твой гнев. Я застонала – голова тут же отозвалась болью, – потом постучала по ладони, удлинняя шнур, чтобы спуститься на дно.

Плюхнулась я так, что дух перехватило. В отдалении слышались другие удары, но уже слабее.

В конце концов я кое-как встала и отряхнулась. Из груды щебня торчала лямка моего рюкзака. Я вытащила его, проверила, как там внутри фляга и карты. Вроде все было цело.

А вот ружью не повезло. Нашелся только приклад – все остальное пропало. Наверное, засыпало с концами.

Я тяжело опустилась на какой-то камень. Ведь знала же, что нельзя подниматься на поверхность во время падения обломков! Так что сама напросилась, винить некого.

Рядом послышалось чье-то царапанье. Крыса? Я мгновенно вскинула приклад ружья – и почувствовала себя совсем по-дурачки. И все-таки заставила себя встать, надеть на плечи рюкзак и зажечь браслет поярче. Какая-то тень метнулась прочь, и я, чуть прихрамывая, пошла за ней. Может, получится найти другой выход отсюда.

Я подняла браслет повыше, освещая пещеру. Впереди

что-то блеснуло. Металл? Может, водопроводная труба?

Когда я приблизилась, до меня не сразу дошло, что я вижу. В углу пещеры, в окружении битого камня, стоял корабль.

Это был истребитель.

Старый, совершенно неизвестной мне модели. Размах крыла у него был больше, чем у кораблей Сил самообороны Непокорных, и сам он напоминал хищную букву W. От запыленной пылью кабины отходили острые как бритва крылья. Антиграв, который поднимал истребители в воздух, почти полностью скрывала груды щебня, но, насколько я могла судить, он был цел.

На мгновение я даже забыла про тест. Корабль!

Сколько он здесь пробыл, чтобы так запылиться и чтобы вокруг нападало столько камней? Одно крыло почти касалось земли, а задний ускоритель был разбит всмятку.

Я не знала эту модель! Это было невероятно. Я знала абсолютно все модели ССН, все корабли креллов и грузовые суда кочевых кланов. Я даже изучала старые корабли, на которых мы летали в первые десятилетия после вынужденной посадки на Россыпь.

Я могла отгарабанить характеристики каждого из них даже во сне, могла нарисовать их силуэты по памяти. Но такой модели я не видела никогда. Я бросила рюкзак на землю и осторожно вскарабкалась на наклоненное крыло. Браслет подсвечивал дорогу; ботинки сдирали слежавшуюся пыль, обнажая исцарапанную металлическую поверхность. Правая

сторона корабля была вся раскурочена.

«Он упал здесь, – подумала я. – Когда-то очень давно».

Я подобралась поближе к круглой кабине; ее стеклянный, а может, из композитного пластика фонарь сохранился на удивление хорошо. У корабля давным-давно не было энергии для открывания кабины, но я отыскала панель ручного управления там, где и ожидала. Я смахнула с нее пыль, открыв надпись на английском: «Аварийное поднятие фонаря».

Так, значит, это все-таки человеческий корабль. Тогда он очень древний. Наверное, такой же древний, как техника в пещерах и пояс обломков.

Я дернула рычажок. Безрезультатно. Фонарь заело. Я подбоченилась и подумала, не разбить ли его, но было как-то совестно. Он же древний, его место на пьедестале в Музее кораблей в Огненной, в котором мы чествуем воинов прошлого. Впрочем, в кабине скелета не было. То ли пилот спасся, то ли все произошло настолько давно, что даже кости рассыпались в прах.

«Ладно, будем действовать аккуратно». Я могла быть аккуратной. Я была невероятно аккуратной. Практически всегда.

Я прикрепила конец энергошнура к аварийному рычагу, потом прошла по кораблю к груде камней в хвосте и прикрепila второй конец к одному булыжнику. Для этого потребовалось снять весь шнур с браслета, и тот перестал светиться.

Шнур мог пару часов функционировать отдельно от источника энергии, оставаясь при этом способным цепляться за что-либо.

Я легла на спину, уцепилась за стену и ногами столкнула булыжник. Тот покатился вниз, и вскоре со стороны кабины донесся щелчок. Я отсоединила энергошнур и вернула его на законное место.

Покончив с этим, я пошла обратно и обнаружила, что рычаг выдернут, а купол кабины приоткрылся. Я благоговейно подняла его, и в обе стороны потоком хлынула пыль. На вид внутри все поразительно хорошо сохранилось. И действительно, когда я скользнула в кабину, оказалось, что кресло жесткое, но кожаная обивка не потрескалась и не рассыпалась.

«Управление похожее», – подумала я, взявшись левой рукой за рычаг газа, а правую положив на сферическую капсулу так, чтобы пальцы попали в выемки. Мне уже доводилось сидеть в моделях пилотских кабин в музее, но в настоящей – никогда.

Я сунула руку в карман и нащупала отцовский значок, который забрала из тайника, прежде чем уйти в туннели. Когда я достала его, он заблестел в свете браслета. Интересно, отец тоже испытывал это спокойное чувство правоты, когда сидел в кабине? Думал ли он когда-нибудь, что его дочь будет расходовать свою жизнь на крысиную охоту? Что она вместо сдачи пилотского теста будет торчать в какой-то пыльной пе-

щере?

Что она отступится без борьбы?

– Я не сдалась! – сказала я. – Я не сбежала!

Ну... вообще-то, сбежала. Но что еще мне оставалось? Не могла же я воевать со всей системой? Если сама адмирал Броня, глава Сил самообороны Непокорных, не желала видеть меня в их рядах, я ничего не могла сделать.

Меня душил гнев. А еще ощущение безысходности и ненависть. Ненависть к ССН за их отношение к моему отцу, гнев на мать и учителей – на всех взрослых, которые позволяли мне мечтать, хотя наверняка все знали правду.

Я закрыла глаза и почти почувствовала, как сзади заработали дюзы. Как при развороте ускорение прижало меня к креслу. Как бодрящий, чистый воздух, пришедший из верхних слоев атмосферы, просочился в кабину.

Сильнее всего на свете я мечтала испытать эти ощущения. Но когда я открыла глаза, то снова вернулась в пыльный разбитый раритет. Я никогда не буду летать. Они прогнали меня.

«А что, если это и был тест?» – пронеслось у меня в голове.

Что, если... они хотели посмотреть, что я стану делать? Черт, а вдруг миссис Вмеер соврала? Что, если я убежала без всяких оснований? Или хуже того: что, если я только подтвердила свою трусость, в которой они обвиняли моего отца?

Я взглянула на часы на браслете и выругалась. Четыре ча-

са. До начала теста четыре часа. Но я почти весь день брела куда глаза глядят. Мне ни за что не успеть в Огненную во- время. Или все-таки?..

– Стремись к звездам, Спенса, – прошептала я.
Я должна была попытаться.

В зал, где проходил тест, я ворвалась словно истребитель с пылающими дюзами.

Своим появлением я прервала высокую немолодую женщину с седыми волосами до подбородка, в белом адмиральском мундире. Когда я резко затормозила в дверях, она нахмурилась и тут же перевела взгляд на настенные часы.

Секундная стрелка дошла до последнего деления. Восемнадцать часов ровно.

Я успела! Насквозь мокрая от пота, в изорванном грязном комбинезоне после едва не состоявшейся встречи с космическим обломком, но я успела.

В зале, который находился в административном здании в центре Огненной, недалеко от лифтов на поверхность, никто не произнес ни слова. Все помещение было заставлено столами; тут, наверное, собралось не меньше сотни парней и девчонок. Я и не представляла, что в пещерах Непокорных так много семнадцатилетних, а ведь это были только те, кто захотел пройти пилотский тест.

Все как один посмотрели в мою сторону.

Я вскинула голову и попыталась сделать вид, будто ничего особенного не происходит. К сожалению, единственное свободное место осталось прямо напротив женщины с седыми волосами.

Где же я ее видела? Это лицо...

Вот тьма.

Передо мной стоял не просто кто-то из старших офицеров, а сама Джуди Айвенс, позывной Броня. Одна из Первых Граждан и глава Сил самообороны Непокорных. Я видела ее лицо на сотнях портретов и статуй. Фактически она была самым влиятельным человеком на нашей планете.

Чуть прихрамывая, я подошла к столу перед адмиралом и села, стараясь не выказывать замешательства и боли. Сумасшедшая гонка по пещерам и туннелям включала в себя множество безумных спусков на энергошнуре. Мышцы протестовали против такой нагрузки, а правую ногу сразу свело судорогой, стоило мне усесться.

Скривившись, я опустила рюкзак на пол возле стула. Ассистент тут же подхватил его и унес в угол – при себе не разрешалось иметь ничего, кроме карандаша.

Я закрыла глаза и тут же приоткрыла их, услышав чей-то шепот: «Ну слава родной планете!» Тор? Я присмотрелась и отыскала его в нескольких рядах от меня. Он, наверное, явился сюда часа за три до начала и все это время переживал, что я могу опоздать. И совершенно напрасно. Я пришла с запасом как минимум в полсекунды. Я подмигнула ему и снова сосредоточилась на том, чтобы постараться не кричать от боли.

– Как я уже сказала, – продолжила свою речь адмирал, – мы гордимся вами. Ваша усердная работа и прекрас-

ная подготовка свидетельствуют о том, что вы самое лучшее и многообещающее поколение, какое когда-либо приходило в ССН. Ваше поколение наследует поверхность. Именно вам суждено открыть новую эру борьбы с креллами. Помните, что этот тест создан не для того, чтобы проверить вашу ценность. Вы все ценны. Чтобы отправить в бой одно-единственное звено пилотов, нам нужны сотни техников, механиков и другого вспомогательного персонала. Даже скромный заправщик топлива участвует в нашей великой борьбе за выживание. Крыло или двигатель истребителя не должны презирать винтики, удерживающие их на месте. Не все вы выдержите тестирование, но уже одним тем, что вы решились прийти сюда, вы оправдали возложенные на вас ожидания. А те, кто справится, знайте: я с нетерпением жду того момента, когда смогу следить за вашим обучением. Я лично заинтересована в кадетях.

Я нахмурилась. Она казалась такой холодной, такой беспристрастной. Ей наверняка просто не было до меня никакого дела, какую бы дурную славу ни снискал мой отец.

Ассистентки начали раздавать тесты. Броня отошла в угол, где стояло несколько капитанов в сверкающих мундирах. Какой-то невысокий мужчина в очках что-то прошептал ей и указал на меня. Броня обернулась, снова посмотрела на меня и поджала губы.

«О нет!»

Я посмотрела в другой угол, откуда за происходящим на-

блюдало несколько учителей, в том числе миссис Вмеер. Увидев меня, она покачала головой, словно от разочарования. Но... я... я же вроде как разгадала их замысел. Они ведь просто хотели убедиться в моей непокорности.

Разве не так?

Одна из ассистенток целенаправленно вытащила тест с самого низа стопки и положила мне на стол. Я нерешительно полезла в карман за карандашом, но там не было ничего, кроме отцовского значка. Сзади послышалось чье-то шипение. Я обернулась к Тору, и он бросил мне запасной карандаш.

«Спасибо!» – беззвучно проговорила я, потом открыла тест и прочла первый вопрос:

«1. Перечислите все четырнадцать типов водорослей, выращиваемых в цистернах, питательную ценность каждой из них и что из них изготавливают».

У меня оборвалось сердце. Вопрос про водоросли?! Ну да, в тест часто включали произвольные вопросы из школьной программы – но чтобы про водоросли?

Я перелистнула страницу:

«2. Перечислите точные условия, необходимые для оптимального роста водорослей, включая температуру, чистоту воды и глубину, а также все остальные».

Следующий вопрос был про канализацию, и следующий за ним – тоже. Я похолодела, осознав, что все пятьдесят страниц были заполнены вопросами про водоросли, канализацию и вентиляцию. Это были те самые уроки, которые я про-

пускала из-за охоты. Я приходила после полудня на физику и историю, но у меня просто не было времени изучать все!

Я снова посмотрела на миссис Вмеер, но она отвела глаза. Тогда я подвинулась и украдкой заглянула в тест Дарлы Мибимс. Он начинался с совершенно другого вопроса:

«Перечислите пять воздушных маневров, необходимых для того, чтобы уйти от преследующего вас крельского корабля».

«Мертвая петля; вращающиеся ножницы, или змейка; петля Альстрома, противоход и вираж». В зависимости от того, насколько близко враги, где происходит бой и что делают товарищи по звену. Я потянулась в другую сторону и заглянула к другому соседу. Там были слова «дюзы» и «неполная тяга». Вопрос про ускорение и силу тяжести.

Ассистентка громко, чтобы услышали все в кабинете, произнесла:

– Имейте в виду, что у сидящих рядом разные тесты, так что списывать не просто наказуемо, а бесполезно.

Я откинулась на спинку стула. Меня переполнял гнев. Вот дерьмо! Они что, подготовили для меня отдельный тест, специально составленный из тем, про которые точно было известно, что мне пришлось их пропустить?

Пока я переваривала эту мысль, несколько человек встали и вышли вперед. Не могли же они уже написать, это просто невозможно! Один из них – высокий, стройный парень со смуглой кожей, короткими выющимися волосами и надмен-

ной физиономией – подал адмиралу свой тест. С моего места мне было видно, что листки совершенно пустые, не считая подписанного имени. А потом парень показал ей значок – особый, сине-золотой. Значок пилота, сражавшегося в Битве за Альту.

«Дети Первых Граждан», – подумала я. Им всем достаточно было просто прийти на тестирование и назваться – и их автоматически зачисляли в летную школу. В тот день таких в зале было шестеро, и каждому отходило место, которое могло бы достаться другому ученику, который честно готовился.

Один за другим все шестеро вышли, и адмирал бросила их незаполненные тесты на стол у передней стены. Их оценки не имели значения.

Так же как и мои.

Я вспомнила, как сказала Диа: «Неужели ты вправду думала, что они позволят дочери Ловца вступить в ССН?»

Но я хотя бы попыталась. Я принялась яростно заполнять свой идиотский тест, нажимая на карандаш с такой силой, что он сломался и пришлось попросить другой. Мне казалось, что все вопросы составлены с таким расчетом, чтобы сломить мою волю. Цистерны с водорослями. Вентиляция. Канализация. Места, которые, как они считали, как раз для меня.

«Дочь труса. Пусть радуется, что ее саму в цистерны не скинули».

Я писала несколько часов, переполняемая противоречи-

выми эмоциями. Гнев боролся с опасениями. Бессильная ярость с надеждой. Осознание победило оптимизм.

«14. Опишите процедуру, которой полагается следовать, если вы подозреваете, что ваш коллега допустил загрязнение цистерны с водорослями».

Я старалась не оставлять ни один вопрос без ответа, но в двух из трех мой ответ сводился к чему-то вроде: «Не знаю. Спрошу у того, кто этим занимается». Мне было горько писать это, как будто тем самым я подтверждала свою некомпетентность.

Но я не собиралась сдаваться. Наконец прозвенел звонок, возвещая, что отведенные на тест пять часов прошли. Ассистентка выдернула тест у меня из рук. Ссутулившись, я смотрела ей вслед.

«Нет».

Адмирал Броня вернулась на свое место и теперь, когда тест завершился, беседовала с небольшой группой людей в костюмах и платьях, Первыми Гражданами или членами Национальной ассамблеи. Броню считали суровой, но справедливой.

Я встала и подошла к ней, шаря в кармане. Пальцы сомкнулись на отцовском значке. Я стояла и почтительно ждала, пока она обратит на меня внимание; остальные ученики уже двинули на вечеринку. Там к ним должны были присоединиться те, кого уже приняли на другие работы, и те, кто весь день подавал заявления и пока ждал результатов. Тех,

кто писал этот тест, но не справился, позже ждал второй отбор.

Но в тот вечер всем было положено веселиться – и будущим пилотам, и будущим уборщикам.

Наконец Броня посмотрела на меня. Я протянула ей значок отца.

– Сэр, – начала я, – как дочь пилота, сражавшегося в Битве за Альту, я хотела бы подать прошение о зачислении в летную школу.

Адмирал оглядела меня с ног до головы, отметив порванный рукав, грязное лицо, засохшую кровь на руке. Она взяла значок, и я затаила дыхание.

– Ты правда думаешь, что я приму значок предателя? – спросила Броня.

Мое сердце оборвалось.

– Тебе вообще не полагается его иметь, девчонка, – сказала Броня. – Разве он не был уничтожен, когда твой отец разбился? Или ты украла его у кого-то другого?

– Сэр, – дрогнувшим голосом произнесла я, – значка не было на корабле в тот день. Отец отдал его мне перед своим последним вылетом.

Адмирал Броня повернулась, чтобы уйти.

– Сэр! – взмолилась я. – Пожалуйста! Прошу вас, дайте мне шанс!

Она приостановилась, и я решила, что моя мольба услышана, но в следующее мгновение Броня наклонилась ко мне

и прошептала:

– Да ты хоть представляешь, девчонка, какой ты потенциальный кошмар для нашей репутации? Если я тебя приму, а ты окажешься трусом, как твой отец? Ну нет, я ни за что не пущу тебя в кабину пилота. Радуйся, что тебе вообще позволили войти в это здание.

Ее слова ударили, словно пощечина. Я вздрогнула. А эта женщина, одна из моих кумиров, снова повернулась, собираясь уходить.

Я вцепилась в ее руку, и стоящие поблизости помощницы ахнули. Но я не отступила.

– У вас остался мой значок, – сказала я. – По традиции он принадлежит пилоту и его семье. Традиция...

– Семьям принадлежат значки настоящих пилотов! – рявкнула адмирал. – А не трусов! – И вырвала руку.

Я могла бы наброситься на нее. Я почти сделала это. Внутри меня поднималась волна жара, а лицо застыло, как лед. Но прежде, чем я успела натворить глупостей, чьи-то руки обхватили меня сзади.

– Юла! – Это был Тор. – Спенса! Ты что творишь?!

– Она украла его! Она забрала отцовский... – Я не договорила. Адмирал в окружении ассистенток зашагала прочь. Я бессильно обмякла в руках Тора.

– Спенса, – сказал он. – Пойдем на праздник, а? Там и поговорим. Как думаешь, ты на всё ответила? Я, кажется, там напортачил по полной. Спенса!

Я вырвалась от него и поплелась к своему столу. У меня вдруг не осталось сил даже на то, чтобы стоять.

– Юла, – позвал Тор.

– Иди на праздник, Тор, – прошептала я.

– Но...

– Оставь меня в покое. Пожалуйста. Просто дай мне побыть одной.

Родж никогда не знал, что со мной делать, когда я впадала в такое состояние, так что он потоптался рядом и в конце концов ушел.

А я осталась одна в кабинете.

Прошло несколько часов.

Мой раскаленный, как магма, гнев прошел. Осталось только холодное равнодушие.

Откуда-то долетал шум вечеринки.

Я чувствовала усталость, оцепенение и, самое ужасное, – пустоту. Мне вроде как следовало сломать карандаш, в бешенстве попереворачивать столы и начать толкать напыщенные речи о том, как я отомщу своим врагам, их детям и внукам, – в общем, вести себя, как подобает Спенсе.

А вместо этого я сидела и смотрела в никуда. Наконец звуки праздника стихли. Через некоторое время в комнату заглянула ассистентка:

– Тебе пора уходить.

Я не шелохнулась.

– Ты точно не хочешь уйти?

Им придется выволакивать меня силой. Я представила себе эту картину – очень героическую, в духе Непокорных, – но ассистентка, похоже, ничего такого делать не собиралась. Она молча выключила свет и оставила меня сидеть в красно-оранжевых отсветах аварийного освещения.

В конце концов я встала и подошла к столу у стены, на котором Броня оставила – возможно, случайно – тесты детей Первых Граждан. Я пролиставала их. На каждом была только

проставлена фамилия, листы с вопросами остались незаполненными.

Я взяла первый попавшийся под руку. На нем было написано: «Йорген Уэйт». Дальше шел вопрос:

«1. Назовите четыре главные битвы, обеспечившие независимость Объединенных пещер Непокорных как первого главного государства планеты Россыпь».

Вопрос был с подвохом. Отвечающий вполне мог бы забыть про схватку в Уникарне, которую нечасто упоминали. Но именно там зарождающиеся Силы самообороны впервые использовали истребители второго поколения, втайне построенные в Огненной. Я доковыляла до своего стола, села и ответила на вопрос.

Потом перешла к следующему. И к следующему. Это были хорошие вопросы. Не просто примитивные списки дат или деталей. Были отдельные математические вопросы по скоростям боя. Но большинство касались намерений, мнений и индивидуальных предпочтений. Я увязла в двух таких, пытаюсь решить, то ли мне отвечать так, как предположительно хотели составители теста, то ли все-таки написать ответ, который я считала правильным сама.

Оба раза я выбрала второй вариант. Все равно до этого же никому не было дела.

К тому моменту, когда я закончила, снаружи слышала-

лись чьи-то голоса. Судя по громкому разговору – уборщиков.

Внезапно я почувствовала себя полным ничтожеством. Что мне теперь – закричать и заставить какого-нибудь бедолагу-уборщика вытащить меня отсюда за патлы? Я потерпела поражение. Невозможно выигрывать все бои до единого, и нет ничего позорного в поражении, когда тебя задавили числом. Я перевернула тест и постучала по листку карандашом. Было по-прежнему темно, и я писала при свете аварийного освещения.

Я стала рисовать на обороте листка истребитель в форме буквы «W», и вдруг в моей голове мелькнула одна безумная идея. Ведь когда-то Силы самообороны Непокорных не были официальной армией, они начинали как группка мечтателей, объединенных одной безумной идеей – заставить все это оборудование работать и создать корабли по чертежам, уцелевшим во время вынужденной посадки на этой планете.

Они построили свои собственные корабли.

Дверь отворилась, впустив свет из коридора. Я услышала, как кто-то поставил на пол ведро и два человека стали жаловаться друг другу на то, как сильно намусорили в зале, где проходила вечеринка.

– Я сейчас уйду, – сказала я, заканчивая набросок. Думая. Размышляя. Мечтая.

– А ты чего все еще здесь, малая? – спросил уборщик. – Не захотела на праздник пойти?

– Да как-то особо нечего праздновать.

– Что, неважно тест написала?

– Оказалось, что это не имеет значения, – сказала я и посмотрела на уборщика, но при скудном освещении был виден лишь его темный силуэт в дверях. – А у вас когда-нибудь... у вас появлялось ощущение, что вас заставили стать тем, кто вы есть?

– Нет. Разве что я сам себя заставил.

Я вздохнула. Мать, наверно, жутко волнуется из-за меня. Я встала и побрела в угол, куда ассистент положил мой рюкзак.

– Почему ты так этого хочешь? – спросил уборщик. Действительно ли его голос был мне знаком, или просто показалось? – Профессия пилота очень опасна. Сколько их уже поубивали.

– Больше половины сбивают за первые пять лет, – сказала я. – Но не все погибают. Некоторые катапультируются. Другие совершают вынужденную посадку и остаются в живых.

– Да, я знаю.

Я застыла и хмуро уставилась на фигуру в дверях. Лицо скрывала плотная тень, но на его груди что-то блестело. Медали? Пилотский значок? Я прищурилась и разглядела форму ССН.

Это был не уборщик. Двое других по-прежнему перешучивались где-то в коридоре.

Я выпрямилась. Человек медленно пошел к моему столу,

и в аварийном освещении стало видно, что ему уже за пятьдесят и что у него седые жесткие усы. При ходьбе он заметно хромял.

Пилот взял со стола заполненный тест и перелистал его.

– Ну и зачем? – в конце концов спросил он. – Зачем так переживать? В этих тестах никогда не спрашивают главного. Почему ты хочешь быть пилотом?

«Чтобы доказать, на что я способна, и восстановить доброе имя отца». Именно так мне хотелось ответить, но что-то удержало меня. Это были слова отца, которые он время от времени повторял и которые жгли меня изнутри, хотя мысли о мести и искуплении часто заслоняли их.

– Потому что надо стремиться к звездам, – прошептала я.

Пилот хмыкнул.

– Мы называем себя Непокорными, – сказал он. – Это главный девиз нашего народа – никогда не сдаваться. И тем не менее Броня всегда ужасно удивляется, когда кто-нибудь выказывает ей неповиновение. – Он покачал головой, потом вернул тест на место и положил что-то сверху.

– Подождите! – крикнула я, когда он захромал обратно к двери. – Кто вы?

Пилот остановился на пороге. Свет четче обрисовал его лицо – эти усы и глаза, которые казались такими... старыми.

– Я знал твоего отца.

Стоп. Я знала этот голос!

– Барбос? – спросила я. – Это вы! Вы были его напарни-

ком!

– В другой жизни, – ответил он. – Послезавтра, в семь утра ровно. Здание F, кабинет C-14. Покажешь значок, тебя пропустят.

Значок? Я обернулась к столу и увидела, что на моем тесте лежит кадетский значок.

Я схватила его.

– Но Броня сказала, что никогда не допустит меня в кабину пилота.

– С Броней я разберусь. Это мой класс. Учеников я набираю сам, и даже она мне не указ. Для этого она слишком важная шишка.

– Слишком важная, чтобы приказывать?

– Военный протокол. Когда ты стоишь настолько высоко, чтобы командовать воздушным флотом в бою, ты со своей высоты не можешь вмешиваться в порядки, которые интендант установил на складе. Потом поймешь. Ты много знаешь, судя по этому тесту, – но не все. Ответ на семнадцатый вопрос неправильный.

– Семнадцатый... – Я быстро перелистала тест. – Про подавляющее численное превосходство?

– Правильный ответ – отступить и ждать подкрепления.

– А вот и нет!

Барбос напрягся, и я быстренько прикусила язык. Не хватало еще спорить с человеком, который только что дал мне кадетский значок!

– Я пушу тебя в небо, – сказал он, – но тебе придется нелегко. И со мной тоже. Иначе это будет несправедливо.

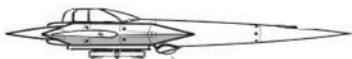
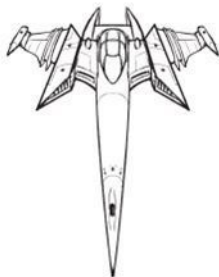
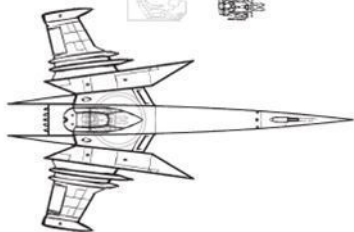
– А кто вообще справедлив?

Он улыбнулся:

– Смерть. Она со всеми обращается одинаково. Ровно в семь. Не опаздывай.

Стандартные модели кораблей ССН 83-ДВ (дата выпуска)

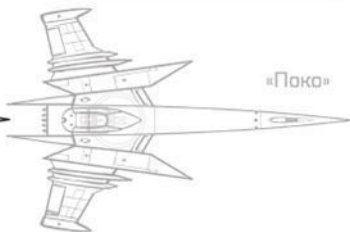
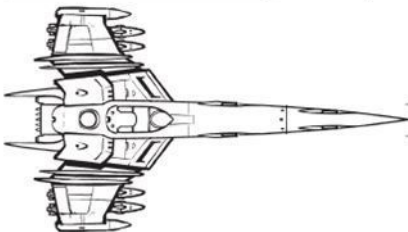
«Поко»

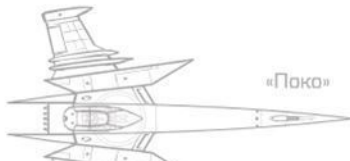
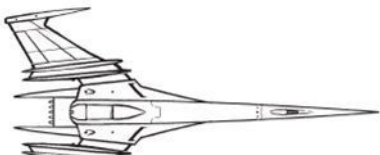
турель энергокопья

«Ларго»

Разведчик

Часть вторая

7

Когда двери лифта открылись, я увидела город, которого не должно было быть.

Все-таки в первую очередь Альта была военной базой и звания города, в общем-то, не заслуживала. И все же лифт выходил на поверхность в добрых двухстах метрах от самой базы, к которой вела дорога, окаймленная магазинами и домами. Настоящий город, населенный упрямыми фермерами, теми, что возделывали полосы земли за стенами.

Когда все вышли, я еще немного задержалась в большой кабине лифта. Мне казалось, что я стою на пороге новой жизни, о которой всегда мечтала. Закинув на плечо рюкзак с одеждой, я так и стояла в какой-то странной нерешительности, все еще чувствуя на лбу прощальный поцелуй матери.

– Правда ведь, это самое прекрасное, что есть на свете? – произнес кто-то сзади.

Я оглянулась. Голос принадлежал девушке примерно моих лет. Она была выше меня, со смуглой кожей и длинными черными кудрями. Я уже видела ее в лифте и обратила тогда внимание на ее кадетский значок. У нее был легкий акцент, который я не смогла определить.

– Мне по-прежнему кажется, что все это не взаправду, – сказала она. – Как думаешь, не могли они над нами так жестоко подшутить?

– А какое тактическое преимущество они от этого получат? – спросила я в ответ.

Девушка как-то уж чересчур фамильярно взяла меня за руку:

– Мы справимся. Просто вдохни поглубже. Протяни руку. Сорви с неба звезду. Так говорит Святая.

Я понятия не имела, как на все это реагировать. Обычно люди обращались со мной как с изгоем. Меня никто никогда не брал за руку. Ее поведение так ошеломило меня, что я не стала сопротивляться, когда она потащила меня за собой. Мы оказались на широкой дороге, идущей через город к базе.

Я предпочла бы идти с Роджем, но его вызвали накануне поздно вечером задать ему кое-какие вопросы по тесту, и я до сих пор не знала, чем там все закончилось. Оставалось лишь надеяться, что Родж ни во что не вляпался.

Вскоре мы с этой девушкой прошли мимо фонтана. Настоящего фонтана, как в преданиях. Мы обе остановились и уставились на него, разинув рты, и я наконец-то высвободила свою руку. По идее, мне полагалось бы чувствовать себя оскорбленной, но девушка казалась такой... искренней.

– Ты согласна, что музыка, рожденная водой, – это самые прекрасные звуки на свете? – сказала она.

– Самый прекрасный звук на свете – это предсмертные рыдания моих врагов, выкрикивающих в небо мое имя сорванными от боли голосами.

Девушка посмотрела на меня, склонив голову набок:

– Благослови тебя звезды!

– Извини, – сказала я. – Это цитата из предания. – Я протянула ей руку. Лучше быть в хороших отношениях с другими кадетами. – Мой позывной – Юла.

– Киммалин, – отозвалась девушка, пожимая мне руку. – А что, разве нам уже полагается иметь позывные?

– Я перевыполняю план. Тебя в какой кабинет вызвали?

– Э-э... – Киммалин полезла в карман за бумажкой. – С-14. Кадет звена В.

– Как и я.

– Позывной... позывной... – пробормотала Киммалин. – Какой бы мне взять?

– Убийца? – предложила я. – Форсаж? Нет, это, наверно, не очень понятно. Креллобоец?

– А можно что-нибудь не такое грозное?

– Ты же собираешься стать воином. Значит, нужно имя воина.

– Война – это еще не всё!

– Ну, как сказать... Летная школа уж точно про войну. – Я нахмурилась, снова отметив ее акцент. – А ты откуда? Явно не из Огненной.

– Родилась и выросла в пещере Благодатная! Мы так ее

называем, но на самом деле там ничего не растет.

– Благодатная, – повторила я. Эта пещера находилась где-то недалеко от Огненной и тоже входила в Лигу Непокорных. – Это там поселились кланы, произошедшие от экипажа «Антиохии»?

Пока нас не загнали сюда, на Россыпь, «Антиохия» была одним из кораблей огневой поддержки старого флота.

– Ага. Моя прабабушка была помощником интенданта. – Она посмотрела на меня. – Как, ты сказала, твой позывной? Юла? А почему не Плакальщица или, к примеру, Пожирательница Вражеских Глаз?

Я пожала плечами:

– Юлой меня папа называл.

Она вдруг расплылась в улыбке. Тьма! Значит, эту девчонку они приняли, а меня отвергли? Да чем ССН намерены заниматься? Открыть кружок вязания?

Мы подошли к базе – группе высоких строгих зданий, окруженных стеной. Прямо у стены фермы сменялись настоящим садом. Я остановилась и поймала себя на том, что снова таращусь, разинув рот. Я уже видела эти деревья издали, но вблизи они оказались огромными. Почти три метра высотой! До сих пор самым высоким из виденных мною растений был гриб ростом мне по пояс.

– Они посадили эти деревья после Битвы за Альту, – сказала Киммалин. – Наверное, нужно быть очень храбрым человеком, чтобы добровольно вызваться служить здесь, без

всякой защиты, под угрозой нападения креллов. – Она посмотрела на небо с благоговейным ужасом, и я подумала, уж не видит ли она его в первый раз.

Мы шагнули к пропускному пункту, и я предъявила каральному свой значок, почти ожидая, что мне сейчас нагрябят, как всегда делал Алуко, когда я возвращалась в Огненную. Однако скучающий дежурный просто проверил, есть ли наши имена в списке, и махнул рукой, чтобы мы проходили. Не слишком-то торжественно для моего первого официального входа в Альту. Ну ничего, скоро я прославлюсь, и этот дежурный будет отдавать мне честь, как только увидит.

Внутри мы вместе с группкой других кадетов начали отсчитывать здания. Насколько я поняла, тест успешно выдержало примерно двадцать пять человек, и нас разделили на три учебных звена. Но на самом деле только лучшие из лучших должны были окончить школу и стать настоящими пилотами.

Вскоре мы с Киммалин подошли к широкому одноэтажному зданию рядом со стартовой площадкой. Это и была летная школа. Я едва удержалась, чтобы не кинуться к выстроенным в ряд сверкающим дежурным истребителям, но, пожалуй, для одного дня хватало и разинутого рта.

Внутри здания обнаружились просторные коридоры, почти все они вели, очевидно, в учебные классы. Киммалин взвизгнула и бросилась к другому кадету, явно ее знакомому. Так что я отошла к окну в наружной стене и стала ждать

ее, поглядывая на небо.

Неожиданно я поймала себя на том, что мне как-то неуютно. Не из-за предстоящей учебы, а из-за самого этого места. «Слишком большое, слишком открытое», – подумала я. Коридоры были на добрый метр шире, чем в большинстве домов Огненной, да и все здания базы не лепились одно на другом, как в нашей пещере, а расплзались вширь. Небо расстилось прямо над головой, всегда. Даже несмотря на силовую щит между нами – невидимый, того же типа, что использовался на истребителях, – я чувствовала себя незащищенной.

Здесь мне предстояло спать. Жить, есть – в общем, существовать. Под открытым небом. Хоть я и любила небо, это не означало, что мне хотелось бы, чтобы оно таранило меня даже в какие-то интимные моменты.

«Придется как-то с этим справиться, – сказала я себе. – Воин не может выбирать себе постель, можно только благодарить звезды, если тебе будет позволено выбрать поле боя». Это была цитата из «Завоевания космоса» Джанми. Я любила Бабулины истории про Джанми почти так же сильно, как истории про викингов, несмотря на то что в них гораздо реже головы летели с плеч.

Когда вернулась Киммалин, мы отыскивали наш класс. Я вдохнула поглубже. Пора было становиться пилотом. Мы толкнули дверь.

Середину кабинета занимали десять учебных пилотских кабин, составленных в круг, лицом внутрь. Каждое довольно громоздкое устройство было снабжено креслом, панелью управления и сооруженной вокруг частью фюзеляжа, хотя и без откидного фонаря кабины. Если бы не это, то казалось бы, что их просто отодрали от кораблей.

Впрочем, вместо носовых обтекателей у каждой кабины спереди был приставлен большой ящик, примерно с метр высотой и полметра шириной. Мы с Киммалин явно прибыли первыми из нашего звена, и я сверилась с настенными часами. Они показывали четверть седьмого. Впервые в жизни я не просто пришла заранее – я была первой!

Ну, строго говоря, второй, потому что Киммалин протолкалась вперед, чтобы рассмотреть учебные кабины поближе.

– Ого! Кажется, мы первые. Ну что ж, Святая всегда говорила: «Если не можете прийти заблаговременно, хотя бы не опаздывайте».

Я тоже прошла в класс, пристроила рюкзак на пол и стала изучать кабины. Панели управления были мне знакомы, такие же стояли на кораблях класса «Поко» – базовой модели Сил самообороны. Открылась дверь, и появились два кадета. Первым шагал невысокий парень с иссиня-черными волосами, судя по внешности – йонгванец. Экипаж корабля

«Йонгван» старого космофлота когда-то в основном состоял из китайцев и корейцев Земли.

Черноволосый парень заулыбался, оглядывая комнату, и положил свой рюкзак рядом с моим.

– Ух ты! Наш учебный класс!

Вошедшая следом девушка неспешно прошла по кабинету, словно была тут хозяйкой. У нее была стройная, спортивная фигура и собранные в хвост светлые волосы. Поверх комбинезона девушка набросила форменную куртку ССН – небрежно, как будто пришла сюда развлекаться.

Вскоре после них появилась девица с татуировкой на подбородке. Викианка – из пещеры Вики. Я знала о них только то, что они были потомками космодесантников с того, старого флота. У викианцев была своя культура, держались они замкнуто, но имели славу отличных воинов.

Я улыбнулась ей, но девушка тут же отвернулась и никак не отреагировала, когда Киммалин бодро представилась ей. «Ну и ладно», – подумала я.

Зато Киммалин уже узнала имена первой пары и откуда они. Парня с иссиня-черными волосами звали Бим, и он действительно был йонгванцем. Его клан был частью команды гидропоников на том старом корабле и поселился в пещере неподалеку, где находилось множество подземных ферм, которые освещались и обслуживались с помощью древнего оборудования. Я никогда не ела ничего из того, что там делали, эти продукты предназначались для тех, у кого было мно-

го производственных или научных заслуг.

Девушку спортивного вида звали Худия, она была из Огненной. Я ее не знала: наша пещера большая и народу там немало. Когда до начала занятий оставалось уже немного, в кабинет вошла высокая девушка и представилась как Фрейя. Хорошее имя, из древнескандинавской мифологии, которая меня всегда увлекала. Девушке это имя подходило. Да и выглядела она под стать. Стройная и очень высокая – может, даже метр восемьдесят пять, – с очень коротко подстриженными белокурыми волосами. На ее новеньких, начищенных до блеска ботинках сверкали золоченые пряжки.

Получалось шестеро. Значит, еще несколько человек должны были подойти. Примерно за десять минут до начала урока в кабинет вошло сразу трое парней, наверняка друзей, судя по их разговору и шуткам. Двоих я не узнала, но тот, что шагал первым, смуглокожий милашка с короткими черными кудрями, запоминался своей слащавой внешностью хорошего мальчика.

«Это же тот парень с теста», – подумала я. Сынок кого-то из Первых Граждан, которого зачислили автоматически.

Зашибись. Нам подсунули бесполезного аристократа, того, кто жил в самой глубокой и самой безопасной из пещер Непокорных. Он попал в летнюю школу не благодаря своим способностям и подготовке, а лишь потому, что ему захотелось щегольнуть кадетским значком и почувствовать собственную важность. Судя по тому, как разговаривали с ним

те двое, это были его закадычные дружки. Я могла голову дать на отсечение, что их всех взяли без экзаменов, так что наша группа получила целых трех человек, попавших сюда незаслуженно.

Высокий красавчик с кукольной внешностью прошел к центру круга из кабин. Ну вот как у парня может быть такое лицо – даже врезать хочется. Он кашлянул, потом хлопнул в ладоши:

– Кадеты, внимание! Разве так мы хотим предстать перед нашим инструктором? Бесцельно слоняющимися в ленивом трепе? Стройся!

Киммалин, благослови ее звезды, вскочила и изобразила некое подобие стойки смирно. Двое его дружков строевым шагом подошли ближе, гораздо больше напоминая настоящих солдат. Все остальные просто молча уставились на него.

– А по какому праву ты тут раскомандовался? – поинтересовалась Худия, та спортивного вида девушка из моей пещеры, которая стояла у стены, скрестив руки на груди.

– Я хочу произвести хорошее впечатление на инструктора, кадет, – заявил Зараза. – Представляете, как он воодушевится, когда увидит, что мы уже построились и ждем его?

– Воодушевится? – фыркнула Худия. – Мы будем выглядеть как стадо подхалимов.

Зараза пропустил ее слова мимо ушей и оглядел строй из трех кадетов. При виде Киммалин он сокрушенно покачал головой. В ее понимании по команде смирно следовало

встать на цыпочки и отдать честь обеими руками. Смотрелось это нелепо.

– Ты выглядишь нелепо, – сказал ей Зараза.

У Киммалин вытянулось лицо и сникли плечи. Я тут же разозлилась, и мне захотелось вступиться за нее. Ну, то есть... он был прав, конечно, но он не имел никакого права бросаться такими словами.

– Кто тебя учил стойке смиренно? – спросил Зараза. – Ты нас опозоришь. Я не могу этого допустить.

– Ага! – воскликнула я. – Она же займет твое место. Это ведь, несомненно, твоя работа – позорить нас, Зараза.

Он оглядел меня с ног до головы и явно обратил внимание на мой залатанный пилотский комбинезон. Комбинезон раньше принадлежал отцу, и, чтобы подогнать его на меня, пришлось изрядно потрудиться.

– Я тебя знаю, кадет? – спросил он. – Лицо знакомое.

– На тесте я сидела в первом ряду, – сказала я, – когда ты ушел с экзамена, не ответив ни на один вопрос. Возможно, ты меня видел, когда обернулся посмотреть, как выглядят люди, которым приходится потрудиться, чтобы что-то получить.

Он поджал губы. Кажется, я задела его за живое. Отлично! Первая кровь.

– Я предпочел не тратить ресурсы и не заставлять кого-то проверять мой тест, когда мне уже предложили место.

– Которого ты не заслужил.

Зараза посмотрел на остальных кадетов, с интересом наблюдавших за нами, и понизил голос:

– Слушай, не устраивай бузу. Просто встань в строй и...

– Встать в строй? – переспросила я. – Ты по-прежнему пытаешься нами командовать?

– Я, скорее всего, буду командиром вашего звена. Так что можешь привыкать исполнять мои приказы.

Заносчивый сын сверхновой!

– Если ты обманом попал сюда...

– Я никого не обманывал!

– Если ты купил себе место в школе, это еще не значит, что ты будешь командиром звена! Ты должен проявить себя. Не наживай врага в моем лице.

– А иначе что?

Тьма, до чего же меня бесило смотреть на него снизу вверх! Я вспрыгнула на кресло кабины, чтобы получить преимущество в росте для спора, отчего он явно опешил.

– Что... – начал он, наклонив голову набок.

– Всегда атакуй с превосходящей позиции! – заявила я. – Если это случится, Зараза, я сохраню твой закопченный, оплавленный значок на память, а твой тлеющий истребитель отметит место твоего погребального костра и последнего упокоения твоего расплющенного изломанного тела!

В классе воцарилась тишина.

– Однако... – пробормотал Зараза. – Да, это было... образно.

– Благослови тебя звезды, – добавила Киммалин.

Худия показала мне поднятый большой палец и ухмыльнулась, а все остальные явно не знали, как им реагировать.

И... возможно, это было малость чересчур. Я ведь привыкла устраивать подобные сцены, жизнь научила меня, что агрессивные угрозы могут заставить людей отступить. Но стоило ли повторять это здесь?

В ту минуту я вдруг поняла нечто странное. Никто из этих людей не знал, кто я такая. Они не росли рядом со мной, мы не учились в одном классе. Возможно, они слышали о моем отце, но они не отличали меня от любого другого кадета.

Так что здесь я была не крысихой и не дочкой труса.

Здесь я была свободна.

Ровно в эту секунду распахнулась дверь и на порог ступил наш инструктор, Барбос, с кружкой горячего кофе в одной руке и папкой-планшетом в другой. Теперь, при дневном свете, я узнала его по картинкам с Первыми Гражданами, только волосы его теперь поседели, да и усы добавляли возраста.

Наверное, мы напоминали тогда бродячий зверинец. Я так и стояла на кресле своей учебной кабины, нависая над Зарзой. Несколько человек захихикали над нашей перебранкой, а Киммалин снова попыталась изобразить воинское приветствие.

Барбос посмотрел на часы: стрелка как раз дошла до семи.

– Надеюсь, я не прервал нечто интимное?

Я пробормотала что-то невнятное, прыгнула с кресла и попыталась изобразить смешок.

– Это была не шутка! – рывкнул Барбос. – Я вообще не шучу! Всем построиться у стены!

Мы кинулись исполнять команду. Когда все выстроились, Зараза застыл по стойке смирно и безукоризненно отдал салют.

Барбос скользнул по нему взглядом и сказал:

– Не будь подхалимом, сынок. У нас тут не строевая подготовка, а вы – не пехотинцы из наземных сил.

Лицо Заразы вытянулось, он опустил руку, но потом снова встал по стойке смирно.

– Виноват, сэр!

Барбос закатил глаза:

– Меня зовут капитан Кобб. Мой позывной – Барбос, но вы будете обращаться ко мне «Кобб» или «сэр» при необходимости. – Он прошелся вдоль строя, сильно прихрамывая, и глотнул кофе. – Правила в этом кабинете простые: я учу, вы учитесь. Все, что этому мешает, может привести к тому, что кого-то из вас убьют. – Он остановился неподалеку от меня и Заразы. – В том числе флирт.

У меня похолодело лицо.

– Сэр! Я не...

– В том числе попытки возражать мне! Вы теперь в летной школе, помогите вам звезды! Впереди четыре месяца обучения. Если вы их пройдете и за этот срок вас не вышибут и не

собиют – значит вы справились. Вот и все. Здесь нет тестов. Нет оценок. Только вы и пилотская кабина. Убедите меня, что вы заслуживаете того, чтобы остаться здесь. Отныне я – единственный, чье мнение для вас важно.

Он помолчал, ожидая нашей реакции. Все благоразумно хранили молчание.

– Большинство из вас не справится, – продолжал Кобб. – Можно подумать, что четыре месяца – это не так уж много, но они покажутся вам вечностью. Некоторые из вас сломаются от нагрузок, кого-то убьют креллы. Обычно из звена в десять человек до выпуска доходит один. Ну, может, два. – Он остановился в конце строя, рядом с прикусившей губу Киммалин. – Хотя глядя на это стадо... Я удивлюсь, если хоть кому-нибудь из вас это удастся. – Он похромал прочь от нас, поставил кофе на столик и зашуршал бумагами на планшете. – Кто из вас Йорген Уэйт?

– Я, сэр! – сказал Зараза, вытягиваясь в струнку.

– Отлично. Будешь командовать звеном.

Я ахнула.

Кобб посмотрел на меня, но ничего не сказал.

– Йорген, тебе потребуются два помощника. К вечеру я хочу знать их имена.

– Я могу назвать их сейчас, сэр, – заявил тот и указал на своих дружков, повыше и пониже. – Артуро и Нед.

Кобб сделал пометку в своих записях.

– Отлично. Выбирайте себе места. Мы будем...

– Подождите! – не выдержала я. – Это что – всё? Значит, так вы выбрали нам командира? Даже не посмотрев сперва, кто на что годится?

– Всем занять места, кадеты, – повторил Кобб, игнорируя меня.

– Но... – не унималась я.

– Кроме кадета Спенсы, – сказал Кобб, – которая сейчас выйдет со мной в коридор.

Я прикусила язык и выскочила из кабинета. Возможно, мне нужно сдержать свое раздражение, но... какого фига? Он с ходу вот так взял и назначил Заразу? Просто так?

Кобб вышел следом за мной и спокойно закрыл дверь. Я собралась было выразить свое возмущение, но Кобб развернулся ко мне и прошипел:

– Ты что, пытаешься все угробить, Спенса?

Я подавилась своими возражениями. Эта внезапная вспышка гнева потрясла меня.

– Ты знаешь, как мне пришлось из кожи вон лезть, чтобы зачислить тебя в этот класс? – продолжал он. – Я говорил, что ты просидела тогда в кабинете несколько часов, что ты написала тест почти идеально. И все равно потребовалась вся моя годами заработанная репутация и все мое влияние, чтобы это пробить. И что ты делаешь первым делом – устраиваешь концерт?

– Но вы бы видели, что этот тип устроил перед началом занятий! Выделывался тут всюю, заявил, что будет коман-

диром звена!

– И оказалось, что у него есть на то основания!

– Но...

– Но что? – рявкнул Кобб.

Я проглотила слова, уже рвавшие с губ, и промолчала.

Кобб вдохнул поглубже:

– Неплохо. Ты все-таки способна хоть как-то себя контролировать. – Он потер лоб. – Вся в отца. Мне половину времени хотелось его удавить. К сожалению, ты – не он. Ты вынуждена жить с тем, что он сделал. Тебе придется себя сдерживать, Спенса. Если будет казаться, будто я тебе покровительствую, кто-нибудь может заявить о недопустимой необъективности, и тогда ты вылетишь из этого класса, не успев и пикнуть.

– Значит, вы не можете мне покровительствовать? – спросила я. – Зато всякий может покровительствовать сыну аристократа, даже не потрудившемуся сдать тест?

Кобб вздохнул.

– Извините, – сказала я.

– Ладно, я сам напросился, – проворчал Кобб. – Ты знаешь, кто этот парень?

– Сынок кого-то из Первых Граждан.

– Сын самой Джошуа Уэйт, героини Битвы за Альту. Она несколько лет служила в ССН. У нее больше сотни подтвержденных сбитых противников. Ее муж – Элджернон Уэйт, глава Национальной ассамблеи и руководитель самой боль-

шой из наших компаний, производящих корабли. Они входят в число самых заслуженных людей нижних пещер.

– И теперь их сынок и его дружки будут нами командовать только из-за того, что сделали их родители?

– У семьи Йоргена три частных истребителя, и он начал учиться летать в четырнадцать. Сейчас у него почти тысяча часов налета. А у тебя сколько?

Я покраснела.

– Его «дружки», как ты выразилась, – продолжал Кобб, – это Нед Стронг, у которого два брата уже служат в Силах самообороны, и Артуро Мендес, сын пилота грузового корабля, прослужившего в ССН шестнадцать лет. Артуро летал с отцом как второй пилот. У него двести подтвержденных часов налета. И опять же – а у тебя сколько?

– Я... – Я набрала побольше воздуха. – Прошу прощения, что усомнилась в вас, сэр. Что я теперь должна сделать – отжаться, помыть уборную зубной щеткой или еще что-нибудь?

– Я уже сказал: мы не в пехоте. Здесь не занимаются дурью. – Кобб открыл дверь. – Доведешь меня – и наказание будет простым: никаких полетов.

«Никаких полетов».

Ничего больнее этих слов для меня не было. Когда мы вернулись в учебный класс, Кобб указал мне на стул у стены. Не на кабину – просто на пустой стул.

Я тихонько пробралась к нему и села, чувствуя себя разбитой наголову.

– Эти устройства, – сказал Кобб, постучав костяшками пальцев по ящику перед одной из кабин, – голографические проекторы. Старинная технология из тех времен, когда мы были флотом. Когда эти машины включатся, вам будет казаться, что вы сидите в кабине пилота. Они позволяют обучать вас летать, не рискуя настоящим истребителем. Впрочем, имитация не идеальна. Она дает некий сенсорный отклик, но не может воспроизвести перегрузок. Вам придется тренироваться на центрифуге, чтобы привыкнуть к ним. Далее. Согласно традиции ССН, вы сами должны выбрать себе позывной. Советую уже начинать думать над ним, потому что это имя вам носить до конца жизни. Именно под ним вас будут знать самые важные люди – ваши товарищи по звену.

Зараза тут же вскинул руку.

– Не сейчас, кадет! – сказал Кобб. – В следующие несколько дней. А сейчас я хочу...

Дверь кабинета с грохотом распахнулась. Я вскочила, но

это не было ни нападением, ни несчастным случаем.

Это был Тор. И у него на груди блестел кадетский значок.

– Я как раз думал, появишься ты или нет, – сказал Кобб, подбирая свои бумаги. – Родж Маккефри? По-твоему, это хорошая идея – опоздать в свой первый день в летной школе? При нападении креллов ты тоже собираешься опаздывать?

Тор судорожно втянул воздух, замотал головой и побелел, словно парламентарский флаг. И... Тор был кадетом. Когда он в последний вечер ушел объясняться насчет теста, я забеспокоилась, но, похоже, его все-таки приняли. Мне захотелось завопить от радости.

Вот только Тор никогда бы не опоздал без серьезных причин. Да он, даже простуженный, специально выделял в расписании время для чихания! Я открыла было рот, но взгляд Кобба заставил меня замолчать.

– Сэр, – наконец произнес Тор, отдышавшись. – Лифт. Сломался.

Кобб прошел к другой стене и нажал кнопку интеркома.

– Джекс, – сказал он, – проверь-ка, ломался ли сегодня лифт?

– Тут и проверять нечего, капитан, – отозвался голос из динамика интеркома. – Лифт 103-D стоял два часа, вместе с застрявшими в нем людьми. Он уже несколько месяцев ба-рахлит.

Кобб отпустил кнопку и посмотрел на Тора:

– Говорят, кадет, ты в этом году получил наивысшую

оценку на тестировании.

– Мне так сказали, сэр. Меня вызвали, адмирал вручила мне награду и все такое. Извините за опоздание. Я не хотел, особенно в первый день. Я чуть не умер, когда...

– Довольно. – Кобб взмахом руки указал ему на стул. – Не испытывай мое терпение, сынок.

Тор радостно уселся, но потом увидел меня на другом конце комнаты и энергично показал мне поднятый большой палец. Мы это сделали! Мы оба каким-то образом справились, причем Тор стал первым – офигеть можно! – так что, по крайней мере, для него тест был честным.

Кобб прошел к кабине, где сидел Зараза, потом что-то переключил на боку приделанного спереди ящика. Кабину окружил ореол света – безмолвный и мерцающий, похожий на светящийся пузырь. Внутри Зараза быстро прошептал тихую, но слышную молитву Полярной звезде. Я подалась вперед.

– Это может дезориентировать, – сказал Кобб, подключая устройство Артуро, потом Неда. – Хотя имитация не воспроизводит условия полета полностью, замена вполне приемлемая.

Я напряженно ждала, пока он двигался по кругу, подключая все кабины одну за другой. Никто из кадетов не удержался от проявления восторга: кто-то ахнул, у кого-то даже вырвалось «Ух ты!». Когда Кобб отвернулся от последней пустой кабины и пошел к доске, у меня чуть не разорвалось

сердце.

Потом он словно вспомнил что-то и оглянулся на меня.

Я чуть не лопнула от ожидания.

В конце концов Кобб все-таки кивнул мне, указывая на последнюю свободную кабину. Я вскочила с места и забралась на свое кресло, пока Кобб не включил ее. Меня окружил свет, и в мгновение ока я словно бы очутилась внутри кабины истребителя класса «Поко», стоящего на стартовой площадке рядом со зданием школы. Иллюзия была такой невероятной, что я ахнула, а потом высунула руку за «фонарь» кабины, просто чтобы убедиться. Когда моя рука коснулась голограммы, та распалась на крохотные светящиеся точки, похожие на падающие пылинки.

Я отдернула руку, а потом стала изучать панель управления: рычаг тяги, щиток с кучей кнопок и сферическую капсулу для правой руки. Это был шар, куда помещалась ладонь, с выемками для пальцев и нажимными кнопками на концах.

За пределами голографического фонаря кабины я видела остальные «корабли», выстроенные рядом с идеально воспроизведенным изображением Альты. Я даже могла поднять голову и увидеть небо, смутный рисунок пояса обломков... да вообще все.

В небе возникло усатое лицо Кобба, словно кого-то из самих Святых, когда он влез внутрь голограммы, чтобы что-то мне сказать.

– Тебе нравятся эти ощущения, кадет?

– Так точно, сэр! – ответила я. – Больше всего на свете.

– Отлично. Смотри не лишись их.

Я посмотрела ему в глаза и кивнула.

Кобб отступил.

– Ну ладно, кадеты, не будем терять время, – сказал он; его голос исходил словно из ниоткуда, отчего создавалось ощущение потусторонности происходящего. – Каждый день вашего обучения – это день, когда хорошие пилоты умирают в бою, потому что вы не прикрыли им спину. Наденьте шлемы. Они у вас под ногами.

Я выполнила приказ, и теперь голос Кобба слышался через наушники в шлеме.

– Начинаем отрабатывать взлет, – сказал он. – Для этого требуется...

– Сэр! – влез Зараза. – Я могу им показать.

Я закатила глаза.

– Хорошо, командир, – согласился Кобб. – Я не против позволить кому-нибудь другому поработать за меня. Давай посмотрим, как ты поднимешь их в небо.

– Есть, сэр! – сказал Зараза. – Звено, ваши истребители не нуждаются в ускорителях, чтобы подняться или спуститься. Это достигается при помощи антигравы, кольцеобразного устройства, которое находится под каждым кораблем. Его рубильник расположен... э-э... в верхней части панели управления – вот эта красная кнопка. Никогда не нажимайте ее во время полета, а то рухнете, как какой-нибудь

обломок.

Один из кораблей в строю вдруг засветился снизу – включился антиграв.

– Для крена вправо или влево либо для небольших передвижений используйте сферическую капсулу, – продолжал Зараза. – Для быстрого набора высоты используйте небольшой рычаг под рукояткой коррекции газа – потяните его вверх.

Истребитель Заразы плавным движением поднялся над строем. Как и все наши корабли, он относился к классу «Покко». Они выглядели как карандаши с крыльями, но все же это были истребители, и я сидела в пилотской кабине. Пусть даже она была голографической, но все же это произошло!

Я нажала на красную кнопку, и вся приборная доска засветилась. Ухмыльнувшись, я положила правую руку на сферу, а левой дернула рычаг набора высоты.

Мой корабль резко дернулся назад, и я врезалась в здание сзади нас.

И не я одна. Наши корабли оказались куда чувствительнее, чем мы ожидали. Тор каким-то образом умудрился перевернуть свой кверху дном. Киммалин метнулась в воздух, от неожиданного движения вскрикнула, рухнула обратно и опустилась прямо на стартовую площадку.

– Только контроль высоты! – сказал Зараза. – Сферу пока не трогайте!

Где-то снаружи послышался смешок Кобба.

– Сэр! – сказал Зараза. – Я... ну... это... – Он замолчал. – Вот.

Я радовалась, что никто не видел, как я покраснела. Судя по столам и разлитой еде, я врезалась в голографическую версию школьной столовой. У меня было такое чувство, будто от резкого рывка здорово досталось моей голове, но ведь, хотя кресло и трянуло немного, когда корабль двигался, это не воссоздавало настоящие движения при полете.

– Поздравляю, кадеты, – сказал Кобб. – Можете не сомневаться: половина из вас – покойники. Ваши мысли, командир?

– Я не думал, что они окажутся настолько безнадежны, сэр.

– Вовсе мы не безнадежны! – возмутилась я. – Просто... слишком энергичны.

– И возможно, немного растерялись, – добавила Киммалин.

– Говори за себя, – послышался у меня в наушниках девичий голос. Как там ее зовут? Худия, та девушка – с хвостом и в балахонистой куртке. – Как живот свело! Я думала, меня вырвет. А можно еще раз попробовать?

– Еще раз? – переспросила Киммалин.

– Это было офигенно!

– Тебя же чуть не вырвало, как ты только что сказала.

– В хорошем смысле слова.

– Как может вырвать в хорошем смысле слова?

– Тихо! – рявкнул Кобб; мой корабль расплылся облачком, и внезапно оказалось, что мы снова стоим в строю, а все корабли целехоньки – очевидно, имитацию перезапустили. – Как и многие новички, вы не привыкли к тому, как чутко ваш корабль реагирует на команды. При помощи контроля высоты и ускорителя вы можете выполнять высокоточные маневры, особенно когда будете тренироваться с энергокопьями. Однако у маневренности есть своя цена. Угробиться на корабле легче легкого. Так что сегодня мы будем отрабатывать три вещи. Взлетать. Садиться. И не умирать в процессе. Ясно?

– Так точно, сэр! – хором откликнулись мы.

– Еще вам нужно научиться управляться с рациями. Для этого предназначены голубые кнопки слева на панели управления. Вы должны уметь находиться на связи со всем звеном или только с вашим напарником. Остальными кнопками мы займемся позже. Я не хочу, чтобы вы сейчас отвлекались. Одним звездам ведомо, можно ли переплюнуть то небольшое представление, которое вы мне здесь устроили, но я не дам вам возможности и это проверить.

– Есть, сэр! – проорали мы с некоторым испугом.

Следующие три часа мы действительно взлетали и садились.

Это бесило, ведь мне казалось, что я способна на что-то гораздо большее. Я так старательно училась, столько раз продельвала это мысленно. Я же вроде как должна была знать

все!

Но я не знала. Моя авария при старте это доказала. И новые неудачи бесили меня.

Единственным способом справиться с этим были тренировки, так что я усердно выполняла все указания. Вверх и вниз. Вверх и вниз. Раз за разом. Я повторяла все это, стиснув зубы, ибо твердо решила впредь обойтись без аварий.

Через некоторое время все сумели выполнить по пять взлетов и посадок без аварий. Когда Кобб снова послал нас вверх, я поднялась на пять сотен по альтиметру и остановилась там. Потом выдохнула и откинулась на спинку кресла, глядя, как остальные кадеты выстраиваются рядом.

Зараза взмыл вверх и сделал петлю, прежде чем встать в строй. Показушник.

– Ладно, командир, – сказал Кобб. – Проведи переключку и получи подтверждение готовности от всех. Будешь проделывать это перед каждым заданием, чтобы убедиться, что ни у кого нет проблем с техникой или самочувствием. Звено, если у вас проблемы – сообщайте командиру! Если вы отправитесь в бой, зная, что с вашим кораблем что-то неладно, то будете отвечать за весь возможный ущерб, который можете нанести.

– Сэр, – спросил по рации Бим, – а правда, что тот, кто во время обучения разобьет настоящий корабль, не станет пилотом?

– Обычно, – сказал Кобб, – если кадет разбивает свой

истребитель, это признак какой-то халатности из тех, что свидетельствуют: этому человеку нельзя доверять подобное оборудование.

– А если он катапультируется? – спросил Бим. – Я слышал, кадеты проходят обучение и в реальных боевых ситуациях. Если кого-то подстрелят и он катапультируется, его правда исключат из школы?

Кобб немного помолчал.

– На этот счет нет жестких правил, – сказал он.

– Но есть традиция, верно? – сказал Бим. – Кадета, который катапультировался и позволил кораблю разбиться, увольняют.

– Это потому, что они выискивают трусов, – сказала Худия. – Предпочитают вышибать кадетов, которые слишком торопятся катапультироваться.

Я почувствовала прилив адреналина, как и всегда, когда кто-то произносил слово «трус». Но оно никак не было связано со мной, и не будет связано. Я никогда не стану катапультироваться.

– Настоящие пилоты – лучшие из лучших, – сказал один из дружков Заразы. – Они могут посадить самолет, даже когда их подбили. Антигравы даются нам так дорого, что пилоты должны их беречь, потому что пилот менее ценен...

– Довольно, Артуро! – оборвал его Кобб. – Ты повторяешь дурацкие слухи. Ценны и корабли, и пилоты. Извольте игнорировать болтовню о том, что вы должны всегда выполнять

контролируемую посадку – вы можете это услышать от других звеньев. Если вас подбили – вы катапультируетесь. Ясно вам? Не думайте о последствиях, думайте о собственной жизни. Если вы достаточно хороший пилот, это не отразится на вашей карьере, невзирая ни на какие традиции.

Я нахмурилась. Мне доводилось слышать другое. Настоящим пилотам, которых сбивали, давали второй шанс. Но чтобы кадетам? Зачем позволять завершить обучение тому, кто дал себя сбить, если нужны только лучшие из лучших?

– Дурацкая пилотская гордыня, – проворчал Кобб. – Клянусь, она отняла у нас больше народу, чем креллы. Командир звена, когда ты собираешься провести переключку?

– Ой, точно! – спохватился Йорген. – Кадеты звена В! Пора...

– Кадеты звена В? – переспросил Кобб. – Ты мог бы придумать имя получше, командир.

– А? Есть, сэр. Э-э...

– Звена «Небо», – сказала я.

– Звено «Небо», – тут же повторил Зараза. – Назовитесь и подтвердите готовность – по порядку номеров.

– Небо-два, – сказал тот из его дружков, что повыше. – Позывной – Аспид. Готов.

– Небо-три, – сказала Худия. – Позывной – Бита. Готова.

– Seriously? – переспросил Зараза. – Бита?

– Запоминается, правда? – сказала Худия.

Зараза вздохнул.

– Небо-четыре, – сказал Тор и, немного помявшись, добавил: – Позывной – Тормоз. Ух ты, как приятно это сказать! Да, готов.

– Небо-пять, – сказал Артуро, дружок пониже ростом. – Позывной – Амфисбена.

– Амфи-чего? – переспросила Бита.

– Это двухголовый дракон, – пояснил Артуро. – Чрезвычайно грозное мифологическое животное.

– Небо-шесть, – сказала Киммалин. – Значит, позывной... Мне нужно его придумать, да?

– Святая, – предложила я.

– О, звезды, нет! – ответила Киммалин.

– Можешь придумать позже, – сказал Кобб. – Пока просто назови имя.

– Нет-нет, – сказала Киммалин. – Зовите меня Живчик. Не стоит долго мучиться с выбором. Святая всегда говорила: «Экономь время и выполняй работу сразу».

– Как это сэкономит тебе время, если ты выполнишь какую-то работу сразу? – спросил Артуро. – Теоретически данная работа, если выполнить ее позже, займет столько же времени.

– Хватит, Амфи, – перебил его Зараза. – Небо-семь?

– Небо-семь, – произнес девичий голос, которого я, кажется, раньше не слышала. Девушка говорила с акцентом. – Позывной – Утро. Готова.

Стоп. Это еще кто? Я напрягла извилины. «А, это же та

викианка с татуировкой на подбородке! – сообразила я. – Которая еще не пожелала со мной разговаривать».

– Небо-восемь, – сказал Бим. – Бим. – Это мое имя, а не позывной. О нем я подумаю позже. Не хочу сплеховать. И да, готов.

– Небо-девять, – сказала Фрейя, высокая блондинка. – Позывной: ФМ. Готова.

Она единственная, кроме Заразы и его дружков, с первого раза подняла свой корабль без накладок. Ее дорогая одежда и золотые пряжки на ботинках наводили на мысль, что она, скорее всего, тоже из нижних пещер. Возможно, у ее семьи было достаточно заслуг, чтобы позволять себе всякие прихоти.

– Небо-десять, – сказала я. – Позывной – Юла. Готова.

– Примитивный какой-то позывной, – съязвил Зараза. – Я буду Егерем. Это слово означает «охотник» на одном из древних...

– Не получится, – перебил его Кобб. – Егерь у нас уже есть. В звене «Кошмар». Закончили обучение два месяца назад.

Зараза смутился:

– Я не знал.

– Может, Зараза? – предложила я. – Я так тебя прозвала. Мы можем звать тебя так.

– Нет! Не можете!

Я услышала несколько смешков, и среди них один совершенно точно исходил от Неда «Аспида» Стронга, того друж-

ка Заразы, что был повыше.

– Ладно, – сказал Кобб, игнорируя нашу перебранку. – Теперь, когда с этим вы справились, предлагаю поговорить о том, как куда-либо двигаться.

Я нетерпеливо закивала, хотя и знала, что никто меня не видит.

– Осторожно возьмитесь за рычаг газа, – велел Кобб. – Медленно передвиньте его вперед, до первого деления на шкале.

Я выполнила его указание – только бы снова не облажаться, как в первый раз! – и перевела дыхание, когда корабль медленно двинулся вперед.

– Хорошо, – сказал Кобб. – Сейчас вы двигаетесь на одной десятой Мага – нормальной скорости боя. Четные номера – опускаетесь на триста футов. Вы больше привыкли говорить «сто метров», но по какой-то идиотской причине традиция требует использовать для измерения высоты футы, и вы к этому привыкнете. Нечетные – поднимаетесь на три сотни футов. Это даст вам немного пространства для того, чтобы попытаться о-о-очень осторожно попробовать повернуть в полете влево-вправо.

Я сделала, как он сказал, ныряя вниз и потом переходя в горизонтальный полет. Попробовала повернуть влево-вправо. Это ощущалось... естественно. Как будто я была рождена для этого. Как будто я...

Внезапно раздался громкий сигнал тревоги. Я вскочила,

потом в панике принялась осматривать свою приборную доску, испугавшись, что сделала что-то не так. В конце концов до меня дошло, что источник звука находится не внутри моего корабля и даже не внутри нашего учебного класса. Сигнал тревоги шел откуда-то снаружи.

«Это предупреждение о нападении!» – подумала я и сдернула шлем, чтобы было лучше слышно. Здесь, в Альте, трубы звучали по-другому. В более быстром темпе.

Я высунула голову из-под купола голограммы и увидела, что еще несколько кадетов сделали то же самое. Кобб подошел к окну и посмотрел на небо. Я с трудом различила какие-то падающие вдалеке обломки, сгорающие в атмосфере. Атака креллов.

На стене затрещал динамик.

– Кобб, – послышался голос адмирала Брони. – Ты уже научил своих желторотиков зависать в воздухе?

Кобб подошел к панели на стене и нажал кнопку:

– Почти. Но я все еще убежден, что кто-нибудь из них сумеет найти способ устроить самоликвидацию корабля, несмотря на то что у «Поко» такой функции не предусмотрено.

– Отлично. Поднимай их в небо и выстрой в боевой порядок над Альтой.

Прежде чем снова нажать кнопку, Кобб посмотрел на нас.

– Прошу подтверждения, адмирал. Вы хотите, чтобы я отправил новобранцев в небо во время нападения?

– Быстро поднимай их, Кобб. Идет большая волна. Звено «Кошмар» спустилось в город на отдых и восстановление, и я не успею вызвать их обратно. Конец связи.

Кобб поколебался, потом рывкнул:

– Вы слышали, что сказала адмирал! Звено «Небо» – на стартовую площадку. Бегом!

На стартовую площадку?

Прямо сейчас?

После одного дня обучения?

Кобб хлопнул по кнопке на своем столе и отключил разом все голографические проекторы. Мне невольно подумалось, что все это какой-то новый тест или такое вот странноватое посвящение, но бледное лицо Кобба убедило меня в обратном. Ему явно все это не нравилось.

Ради звезд, что адмирал себе думает? Ведь... ведь не может же она позволить убить все мое звено, чтобы отплатить Коббу за то, что он принял меня в ССН? Ведь не может же, правда?

Мы вывалились из кабинета беспорядочной толпой.

– Тор, – сказала я, пристроившись рядом с другом, пока мы рысцой бежали по коридору под далекий вой сирены. – Ты можешь в это поверить? Во все это?

– Нет. Я до сих пор не могу поверить, что я здесь, Юла. Когда они вызвали меня и сказали, сколько баллов я набрал, я подумал, что они собираются обвинить меня в жульничестве. А потом адмирал вручила мне награду и сделала несколько фоток. Это почти так же невероятно, как способ, которым Кобб протащил тебя сюда после...

– Ладно, забей, – быстро проговорила я: не хватало еще,

чтобы кто-нибудь подслушал, при каких обстоятельствах я сама сюда попала.

Я глянула в сторону и обнаружила, что рядом, в паре шагов, бежит Зараза. Он тоже посмотрел на меня прищуренным взглядом. Зашибись.

Мы выскочили из здания школы и сгрудились на ступеньках ровно в тот момент, когда звено кораблей класса «Фреза» взмыло в небо. Одно из дежурных звеньев. Обычно их было несколько, не считая еще одного-двух, которые можно было бы вызвать в экстренном случае.

Так зачем им понадобились мы? Я не могла этого понять.

Кобб вышел из здания и показал на строй из десяти истребителей класса «Поко» на соседней стартовой площадке. Вокруг них суежилась наземная команда, устанавливая лестницы.

– По кораблям бегом марш! – выкрикнул Зараза. – Все помнят свои номера?

Киммалин резко остановилась.

– Ты номер шесть, Жучик, – сказал Кобб.

– Вообще-то, Живчик...

– Шевелитесь, придурки! – заорал Кобб. – Выполнять приказ!

Он посмотрел в небо. Послышались хлопки: это корабли, стартовавшие раньше, перешли сверхзвуковой барьер. Хотя они ушли уже далеко, от их хлопков задребезжали стекла в окнах.

Я поспешила к своему кораблю и, быстро взобравшись по лестнице, остановилась. Мой корабль!

Кто-то из наземной команды вскарабкался следом за мной.

– Ты садишься? – спросил он.

Я покраснела и запрыгнула в кабину.

Техник подал мне шлем, потом наклонился ближе:

– Этот корабль только-только из ремонта. Ты будешь использовать его, когда прикажут, но он не полностью твой. Будете делить его с кадетом из другого звена, пока не отсечется достаточно народу.

Я натянула шлем и показала технику поднятый вверх большой палец. Он спустился и оттащил лестницу. Фонарь кабины загерметизировался. Я сидела молча, собираясь с духом, потом нажала кнопку, включавшую антиграв. Приборная доска осветилась, и корабль зарокотал. Этого в имитаторе не было.

«Не паникуй, Спенса. Ты только что проделала это сотню раз».

Но я не могла выбросить из головы наш недавний разговор. Кадетам, которые потерпели аварию или катапультировались, по традиции не позволяли закончить обучение...

Я вцепилась в рычаг набора высоты и стала ждать приказов. Потом, снова залившись краской стыда, запоздало нажала голубую кнопку, включавшую рацию.

– ...может, кто-нибудь ей помашет, а? – послышался в мо-

ем шлеме голос Артуро. – ФМ, тебе видно...

– Юла готова, – сказала я. – Извините.

– Ладно, звено, – сказал Зараза. – Поднимаемся – медленно и плавно, как отработывали. Идем на высоту полторы тысячи футов и там зависаем.

Я вцепилась в рычаги управления, сердце в груди бешено колотилось. Первый раз в небо.

Вперед! Я подняла свой «Поко» вертикально вверх. Это было великолепно. Чувство движения, ускорение, вдавившее меня в кресло, вид уменьшающейся базы внизу... открытое небо, приветствующее меня...

Когда альтиметр показал полторы тысячи футов, я выровняла корабль. Остальные выстроились неподалеку от меня. Под каждым кораблем светилось синее кольцо антиграва. Вдали я разглядела вспышки идущего боя.

– Проверка связи, – раздался в наушниках голос Заразы.

Все девять человек отозвались, потом наступила тишина.

– А что дальше? – спросила я.

– Попробуем связаться с Землей и запросить приказ, – сказал Зараза. – Я не знаю, на какой частоте мне полагается...

– Я здесь, – прозвучал в рации голос Кобба. – Неплохо смотрите, кадеты. Почти идеальный строй, черт возьми. Не считая тебя, Жучик.

– Живчик, сэр, – поправила Киммалин. И действительно, ее корабль поднялся футов на пятьдесят выше остальных. –

И... я просто тихонько тут сижу, счастливая, что ни в кого не врезалась. Как говорила Святая: «Нет ничего ошибочного в том, чтобы иногда ошибаться».

– Согласен, – сказал Кобб. – Но у меня приказ командования. Командир, подними свое звено на две тысячи футов, потом на двух десятых Мага осторожно выйдите за пределы города. Я скажу, когда остановиться.

– Вас понял, – отозвался Зараза. – Звено, всем подняться на две тысячи и остановиться. Жучик, я хочу, чтобы на этот раз ты не промахнулась.

– Будь уверен, Зараза, – отозвалась она.

Он тихо выругался. Мы поднялись выше – достаточно высоко, чтобы город под нами стал похож на игрушечный. Я по-прежнему видела вспышки вдаль, хотя обломки теперь падали чаще. Красные полосы выстрелов и черные – дыма, протянувшиеся прямо через поле боя.

Согласно указаниям Кобба, мы наклонили рычаги газа вперед и включили дюзы. И я полетела – по-настоящему полетела – первый раз в жизни. Полет был небыстрым, и большую часть времени я потела и дрожала над каждым своим движением. В глубине души мною владел благоговейный ужас.

Это наконец-то случилось!

Мы летели в сторону боя, но не успели мы особо удалиться от базы, как Кобб снова вызвал нас.

– Стойте тут, кадеты, – приказал он; голос его звучал уже

не так напряженно. – Я получил дополнительную информацию. Драться вам не придется. Просто проблема с лифтами застала нас со спущенными штанами. Одно из звеньев, которому полагалось быть в резерве, застряло внизу. Вас скоро отпустят. А до тех пор адмирал желает, чтобы казалось, будто у нас больше подкреплений, чем это есть на самом деле. Она послала вас и еще одно звено кадетов патрулировать окрестности города. Креллы не рискнут соваться сюда и связываться, как они считают, со свежими силами.

Я медленно кивнула, вспомнив один из уроков Бабули. «Сущность войны – обман, – говорил Сунь Цзы. – Если ты готов атаковать, демонстрируй беззащитность. Если ты близко – кажись далеким, но когда ты далеко – заставь поверить, что ты рядом». Да, вполне разумно использовать несколько поддельных звеньев, чтобы заставить креллов беспокоиться.

– Сэр, – сказал Йорген, – не объясните ли нам, что сейчас происходит на поле боя? Ну, чтобы мы могли подготовиться, просто на всякий случай.

– Вы все сдали тест, – буркнул Кобб, – так что, полагаю, вы в состоянии описать мне базовую крелльскую стратегию нападения.

Я начала было отвечать, но меня опередил Артуро.

– Когда начинают падать обломки, – выпалил он, – креллы часто пользуются этим, чтобы затеряться на радарх. Они летят низко, ниже зоны поражения наших зениток, и пытаются приблизиться к Альте. Если они прорвутся, то могут

сбросить биобомбу.

Я вздрогнула. Биобомба не только испарила бы всех в Альте – и никакой щит не помог бы, – она бы обрушила пещеры, похоронила Огненную и уничтожила все оборудование.

– Но креллы не всегда используют биобомбу, – вмешалась я. – Для нее требуется специальный медленный бомбардировщик. Он, наверное, дорогой, или его трудно сделать, или еще что, но при угрозе бомбардировщику креллы отступают. Большую часть времени креллы и ССН сражаются прямо в потоке падающих обломков. Среди них часто попадаются пригодные антигравы, которые мы можем использовать для строительства новых истребителей.

– Может, ты и права, – недовольно проворчал Артуро, – но он спросил про их базовую стратегию. А их базовая стратегия – пытаться уничтожить Альту.

– Биобомба фигурирует лишь в одной схватке из четырех! – возразила я. – Мы думаем, что они пытаются измотать нас, уничтожить как можно больше наших кораблей, поскольку нам труднее заменять их, чем креллам.

– Ладно, потом покрасуетесь друг перед дружкой. Вы оба очень умные. А теперь заткнитесь.

Я откинулась на спинку кресла, не понимая, чувствовать себя польщенной или оскорбленной. Кажется, это было обычное состояние при общении с Коббом.

– В сегодняшнем бою никто не видел бомбардировщик, –

сказал Кобб. – Это не значит, что он не может появиться, но в сегодняшних обломках много техники со старыми антигравами.

«Ага! – подумала я. – Теперь ясно, кто был прав?» Я вытянула голову, чтобы увидеть Артуру и показать ему свое злорадство, но не смогла найти его в строю одинаковых кораблей.

– ...Сэр, – сказал Зараза, – меня всегда что-то настораживало в нашей тактике. Мы отвечаем на действия креллов, так? Когда обломки начинают падать, мы вылетаем проверять их. Если мы находим креллов, то вступаем в бой.

– В целом верно, – ответил Кобб.

– Но это означает, что мы всегда позволяем им выбирать место боя, – сказал Зараза. – Однако, чтобы выиграть войну, надо застать врага врасплох. Вывести его из равновесия. Заставить их думать, что мы не готовы к атаке, когда собираемся напасть, и наоборот.

– Я смотрю, кто-то перечитал Сунь Цзы, – усмехнулся Кобб. – Он воевал в другую эпоху, командир, и в других обстоятельствах.

– Но не следует ли нам хотя бы попытаться перенести войну на территорию креллов? – не унимался Зараза. – Напасть на их базу за пределами пояса обломков, где бы она ни располагалась? Почему никто даже не говорит об этом?

– На то есть причины, – сказал Кобб. – И они не входят в компетенцию кадетов. Сосредоточьтесь на текущем зада-

нии.

Я нахмурилась, неохотно признавая, что Зараза задает дельные вопросы. Оглянувшись, я посмотрела на зеленое пятно – Альту. И вдруг поняла, что еще мне кажется странным. Кобб – опытный пилот и Первый Гражданин. Он сражался в Битве за Альту. Если нам требовались резервы или хотя бы их иллюзия, почему он не поднялся в небо вместе с нами?

Несколько минут мы помалкивали.

– Ну так что? – спросил по радиации Бим. – Хочет кто-нибудь помочь мне подобрать позывной?

– И мне, – откликнулся Зараза.

– Да с твоим уже все ясно, Зараза, – сказал Нед.

– Нельзя называть командира ругательным словом! – возмутился Зараза.

– Почему нет? – удивилась Бита. – А как насчет того знаменитого пилота с позывным про пук или...

– Пердеж, – сказала я. – Одна из Первых Граждан. Она только недавно ушла в отставку, и она была потрясающим пилотом. Сто тридцать уничтоженных противников. Примерно по двадцать в год.

– Я не буду Заразой, – сказал Зараза. – Это приказ.

– Конечно, Зараза, – согласилась ФМ.

Я улыбнулась и посмотрела на корабль ФМ, летящий справа от меня. Интересно, они были знакомы раньше? Вроде бы она говорила с еле заметным акцентом. Таким же, что

отличал эти троих парней, – акцентом богачей из нижних пещер. Кто же она?

Вспышки вдали продолжались, и я поймала себя на том, что меня так и подмывает схватиться за рычаг газа, включить форсаж и рвануть туда. Пилоты сражались, возможно, умирали, а я просто сидела здесь. Какой же я после этого воин?

«Который, впервые включив двигатели, врезался в столовую – вот какой», – подумала я. И все же я следила за этими вспышками, пыталась представить себе бой и шурилась, высматривая, не мелькнет ли где крелльский корабль.

Но когда откуда ни возьмись один из них помчался прямо на нас, я испытала шок.

Я видела их изображения сотни раз. Маленький, в форме луковицы, он казался каким-то недоделанным, с висящим сзади пучком проводов, напоминающим хвост. У него была черная непрозрачная кабина. В большинстве случаев подбитые корабли креллов взрывались, разлетаясь вдребезги, но изредка удавалось обнаружить обгорелые остатки испорченных скафандров. Но, конечно, не самих креллов.

– Зараза! – позвала я.

– Не смей меня так...

– Йорген! Командир! Кто угодно! Смотри на одиннадцать от себя, на двести футов ниже. Видишь его?

Зараза негромко выругался.

– Отлично! – воскликнула Бита. – Игра начинается!

– Это не игра, Бита, – сказал Зараза. – Инструктор Кобб!

– Слушаю. Что такое?

– Крелльский корабль, сэр. Похоже, идет низко, вне зоны досягаемости зениток.

Кобб ответил не сразу. Вся мокрая от пота, я положила руки на рычаги управления и следила за вражеским кораблем.

– В командном центре знают о нем, – сообщил наконец Кобб. – Ваши сменщики уже садятся в корабли. Они скоро будут.

– А если они опоздают? – спросила я. – Вдруг у этого корабля биобомба?

– Корабль идентифицировали, – сообщил Кобб. – Это не бомбардировщик. Одиночный корабль не сможет нанести большого вреда.

– При всем уважении, сэр, я с вами не согласен, – сказал Йорген. – База закрыта щитом, но он может обстрелять фермеров и убить десятки людей, прежде чем...

– Я в курсе того, на что способны креллы, парень, спасибо. – Кобб глубоко вздохнул. – Он близко?

– Да, сэр. И подлетает все ближе.

Рация замолчала, потом наконец раздалось:

– Можете вступить в бой. Но придерживайтесь оборонительной тактики. Не смей выпендриваться, кадет. Я хочу, чтобы вы отвлекали его, пока подкрепление не поднимется в воздух.

Я кивнула, от волнения волосы под шлемом взмокли. Зна-

чит, летим.

– Есть, сэр! – отчеканил Зараза. – Аспид, будешь моим напарником!

– Принято, Йорг, – отозвался Нед.

Два корабля вырвались из строя. И я, не успев даже подумать, схватилась за рычаг газа и рванула за ними следом.

– Юла, вернись в строй! – скомандовал Зараза.

– Я нужна вам, – сказала я. – Чем нас больше, тем больше вероятности, что мы отпугнем их и продержимся до подхода настоящих бойцов!

– А ей нужен напарник! – заявила Бита, последовав моему примеру.

– Нет, нет! – завопил Зараза. – Всем остальным оставаться на своих местах!

– Возьми ее, – сказал Кобб. – Бита и Юла – вы летите вместе с командиром звена и его напарником. Но остальные стоят где стояли. Я не хочу, чтобы вы там поврезались друг в дружку.

Зараза замолчал. Набирая скорость, мы вчетвером шли наперехват, чтобы преградить путь вражескому истребителю, прежде чем он подберется к Альте слишком близко. Я боялась, что мы не успеем вовремя, что он проскочит мимо нас. Но оказалось, что беспокоилась я зря.

Потому что, как только мы подлетели достаточно близко, крелл развернулся и пошел прямо на нас.

Мой пульс зашкаливал, лицо стало холодным как лед.

Но в тот момент я поняла, что не боюсь.

Я всегда беспокоилась, что могу испугаться. Я бахвалилась, изображала из себя крутую. Но сколько раз мне доводилось драться по-настоящему, если начистоту? Пара потасовок с другими детьми в детстве? Несколько спаррингов на занятиях дзюдо?

В глубине души я всегда волновалась, не запаникую ли я, очутившись в небе. Не окажусь ли трусихой, какой все вокруг меня считали? Они ведь... и про отца моего тоже врали.

Но теперь я спокойно, недрогнувшей рукой передвинула рычаг газа, сбрасывая скорость, и выполнила разворот, пытаюсь пристроиться противнику в хвост. Я знала приемы ближнего воздушного боя. Знала вдоль и поперек. Я рисовала их на полях любых тетрадей, вне зависимости от урока.

И при всем при этом я никуда не годилась. Я развернулась по слишком широкой дуге, и Бита чуть не врезалась в меня, потому что мы вошли в вираж не синхронно.

– Ого! – воскликнула Бита, когда мы восстановили заданное положение. – А это труднее, чем кажется, да?

Крелльский корабль выбрал мишенью Йоргена и выстрелил в него из деструктора. Я попыталась помочь, но на этот раз развернулась слишком резко. Йорген, Нед и крелл так и

маячили впереди, выписывая маневр за маневром.

Я покраснела от стыда за свою никчемность. Мне всегда казалось, что летать... это так же естественно, как дышать, но теперь мне приходилось стараться изо всех сил, чтобы мой корабль хотя бы просто двигался в нужную сторону.

Крелл снова зашел в хвост Йоргену. Тот негромко выругался и выполнил почти безупречный маневр уклонения. Внезапно все это стало для меня слишком реальным. Это был мой товарищ по звену. И враг прилагал все усилия, чтобы убить его.

– Неплохо сработано, Йорген, – похвалил Кобб. – Но впредь поаккуратнее с такими маневрами. Если ты летаешь намного лучше товарищей, креллы немедленно выбирают тебя мишенью. Они первым делом атакуют командиров, когда угадывают их.

– Разве не правильнее сначала атаковать самых слабых? – спросила ФМ. – Тех, кого легче всего убить.

Но креллы мыслили иначе. Они всегда выбирали лучшего из пилотов, пытаясь выбить из строя командира.

– Я позже объясню, – напряженно произнес Кобб. – Нед, держись как можно ближе к Йоргену. Заставь крелла опасаться, что ты зайдешь ему в хвост, если он попытается повиснуть на хвосте у Йоргена.

Нам повезло, что крелл сосредоточился на хороших пилотах, потому что мы с Битой были просто летающими мишенями. Мы едва-едва справлялись со своими кораблями. За-

раза тем временем исполнил безукоризненную петлю Альстрома и почти оторвался от крелла.

Увы, следующий маневр командира оказался не таким мастерским: Йорген выполнил его хорошо, но когда вышел из него, то случайно направился в сторону остальных кораблей звена. Я услышала по радиии, как он выругался, пытаясь свернуть, но в результате выстрелы противника пошли напрямиком в нашу команду.

Корабли так и прыснули в разные стороны. Бим задел Утро, ту тихую девчонку с татуировками. Их корабли отскочили друг от дружки, но ни в кого больше не врезались. Несколько ударов деструктора пришлись на корабль Тора, но его щит выдержал. И все же Тор вскрикнул, когда его «Поко» встряхнуло от вспышек.

Я стиснула зубы. Сердце гулко колотилось в груди. Нам с Битой наконец-то удалось направиться в нужную сторону. Но это означало, что придется пройти через рассеявшееся звено, и на этот раз я едва не врезалась в Бима.

Тьма! Я понимала логику адмирала, но нам не следовало, никак не следовало сейчас драться тут! Если так пойдет и дальше, единственными погребальными кострами на сегодня будут наши собственные. Бедняга Киммалин, похоже, задела свой руль высоты и спустилась футов на пятьсот ниже нас.

Зараза давно уже обошел Неда, но крелл почти нагонял его. Я дернула рычаг газа, и мой корабль ненадолго компен-

сировал ускорение, но вскоре оно настигло меня и вдавило в кресло.

– Да где же это подкрепление?! – заорал Йорген, когда враг выстрелил в него. Удар пришелся в щит.

– Вот-вот будет, – сказал Кобб.

– Я могу не дожидаться! – выкрикнул Йорген. – Я попытаюсь увести крелла повыше, чтобы его могли достать зенитки! Предупредите их!

– Уже, – ответил Кобб. – Но у крелла щит еще с полной зарядкой, так что тебе, возможно, придется продержать его в зоне действия зениток достаточно долго, чтобы в него успели попасть несколько раз.

– Ладно, попробую. Что это за красный мигающий огонек на приборной доске?

– Твой щит разряжен, – тихо произнес Кобб.

«Я могу его спасти, – в отчаянии подумала я. – Я должна его спасти!» Йорген с противником уже изрядно ушли вверх. Единственной моей надеждой было быстро нагнать их, зайти в хвост крельскому кораблю и сбить его. Так что я повернула свой «Поко» носом в небо и врубила форсаж.

Ускорение размазало меня по креслу, и я почувствовала, как становлюсь тяжелее. Это было странное ощущение. Я совсем не так это себе представляла. Я чувствовала, как моя кожа натягивается, словно хочет соскользнуть с лица, как руки наливаются свинцом и управлять кораблем становится все труднее.

Хуже того – к горлу подкатила тошнота, как будто желудок выдавливалось наружу. Через несколько секунд у меня начало темнеть в глазах.

Нет! Мне пришлось дернуть рычаг газа обратно и замедлить движение. Я чудом не хлопнулась в обморок.

Внизу начали стрелять мощные зенитки, защищавшие Альту, но они казались медлительными и неуклюжими по сравнению со сцепившимися кораблями. Взрывы пластали воздух позади маленького «Поко» Йоргена и странного, словно недостроенного крелльского корабля. Одна из зениток все же попала в крелла, ударив в его щит, но он продолжал лететь, вплотную преследуя Йоргена.

Следующим выстрелом он его достанет.

«Нет!!!»

И вдруг один-единственный луч яркого света метнулся откуда-то снизу и ударил крелльский корабль точно в середину. Тот взорвался, рассыпавшись дождем осколков.

Йорген судорожно выдохнул:

– Спасибо за подкрепление, Кобб.

– Это не они, сынок, – отозвался Кобб.

– Ой! – сказала Киммалин. – Это что, я? Ура, получилось!

Зараза, ты там цел?

Я нахмурилась и взглянула вниз. Это действительно стреляла Киммалин. Она расположилась ниже и сбоку не для того, чтобы сбежать, а чтобы стрелять по врагу, не рискуя подбить кого-то из своих.

Честно говоря, я была поражена. Йорген, судя по голосу, тоже.

– Тьма! – вырвалось у него. – Жучик, ты что, сбила крелльский корабль с дальней дистанции?!

В рации послышался смешок Кобба.

– Похоже, Жучик, стрельба – это твое.

– Я не... – начала было Киммалин, потом вздохнула. – А, ладно. Жучик так Жучик. Но вообще, да, сэр.

– В каком смысле? – спросил Йорген.

– Она – дочь зенитчиков из Благодатной, – объяснил Кобб. – Так уж повелось, что из метких стрелков на малых зенитках получают хорошие пилоты. Вращающиеся сиденья в установках класса АА приучают двигаться и стрелять одновременно, и Жучик сейчас продемонстрировала нам весьма впечатляющие показатели меткости.

– Честно говоря, я даже не собиралась сдавать пилотский тест, – заговорщическим тоном сказала Киммалин. – Но когда рекрутеры ССН заявили к нам и попросили меня показать, как я стреляю, мне ничего не оставалось, как сделать это. «Лучше всего скромность проявляется при похвальбе», – как сказала Святая. Ну а потом они мне сказали, что у меня, возможно, и получится... Должна признаться, я тогда маленько поволновалась.

Внезапно ее присутствие среди нас обрело смысл.

– Отставить болтовню, – скомандовал Йорген дрогнувшим голосом. – Доложите обстановку. Раненые есть?

– Я... в меня попали, – сказал Тор.

– Ты сильно пострадал?

– Меня только трянуло. Ну и... я заблевал кабину.

При этих словах Бита расхохоталась.

– Возвращайся на базу, болтун, – тут же приказал Йорген. – Утро, сопроводи его. Всем остальным построиться!

Теперь уже намного осторожнее мы повиновались. При виде перестрелки вдали шутить совсем не хотелось, но вскоре вокруг возникли корабли подкрепления и сменили нас. Кобб приказал нам возвращаться на базу, и мы спустились вместе с другим звеном кадетов, которое использовали в качестве лжерезерва.

Мы приземлились рядом с кораблями Тора и Утра. Они уже стояли пустыми. Возможно, Тора увели куда-то посидеть и успокоиться. Неудивительно, если он был потрясен. Я подумала, что надо бы отыскать его – вдруг ему захочется поделиться своими переживаниями.

Когда мы вылезли из кораблей, Бита восторженно завопила и кинулась к Киммалин:

– Твой первый сбитый противник! Чтоб мне пусто было, если ты не станешь асом еще до окончания школы!

Киммалин явно не знала, как ей реагировать на такие похвалы. Все звено собралось вокруг нее с шлемами в руках и засыпало ее поздравлениями. Даже Зараза кивнул ей и вскинул сжатый кулак в одобрительном жесте.

Я пробралась к нему. Он все-таки потрясающе летал.

– Слушай, Зараза... – начала было я.

Он резко развернулся ко мне и чуть ли не прорычал:

– Слушай, ты! Нам надо поговорить, кадет. Тебе надо серьезно подправить свое поведение.

«Что?!» Ровно в тот момент, когда я собиралась сделать ему комплимент?

– Ну надо же! – огрызнулась я. – А тебе надо серьезно подправить свою рожу.

– Вот, значит, как? Упорно хочешь быть занозой для всех? Кстати, где ты взяла этот комбинезон? Я думал, обирать трупы противозаконно.

Тьма. Может, он и круто летает, но эта его рожа... Как же мне хотелось вмазать ему.

– На себя бы посмотрел, – сказала я, жалея, что тут не на что встать, чтобы не смотреть на него снизу вверх. – Когда тебя разжалуют и ты попадешь в опалу, я поглочу твою тень и буду хохотать над твоими страданиями!

– Ты какая-то неадекватная малявка, Юла.

Малявка?

Малявка?!

– Да я...

– Смирно! – гаркнул прихрамавший к нашей группке Кобб.

Малявка!!!

У меня внутри все кипело, но, вспомнив недавний разнос, я как-то умудрилась сдержаться и молча встала в строй вме-

сте с остальными. На Заразу я демонстративно не смотрела.

– Как ни странно, это было самое позорное и вместе с тем самое воодушевляющее представление в исполнении кадетов на моей памяти! Вам должно быть стыдно! И в то же время вы можете гордиться собой. Забирайте вещи из учебного класса. Встречаемся в малом холле школы для распределения по комнатам. Быстренько помойтесь и перекусите.

Остальные кадеты рванули исполнять приказ. Я попыталась задержаться, чтобы спросить про Тора, но Кобб велел мне пошевеливаться. Похоже, он не любил, когда кто-то наблюдал, как он хромает.

Но я все-таки шла за ним, чувствуя на самом деле то, о чем говорил Кобб. Стыд и гордость одновременно.

Я летала. Я побывала в настоящем бою. Я...

Я была в Силах самообороны Непокорных!

Но при этом действовала я кошмарно. Невзирая на все свое хвастовство и подготовку, я была скорее помехой, чем ценным приобретением. Мне предстояло изрядно потрудиться.

И я была готова к этому. Готова учиться. Ведь я была воином – так меня воспитала Бабуля. А воин должен не бежать от неудач, а преодолевать их и становиться лучше.

Когда мы шли по коридорам школы, из динамиков на стене сначала раздался треск, а потом голос адмирала Брони:

– Сегодня мы одержали невероятную победу. Что доказывает силу и стойкость Непокорных. Помните, за что вы бо-

ретесь. Помните, что, если враги сумеют прорваться сюда и сбросить биобомбу, они уничтожат не только эту базу, но и все, что под ней, все, что нам дорого. Вы – заслон между цивилизацией и безумием. В частности, я хочу выразить признательность новым кадетам из пока еще не получивших названия звеньев В и С. Их первый боевой вылет показал, что они, с возможными исключениями, команда, которая заслуживает восхищения.

«С возможными исключениями». Тьма! Как могла адмирал, командующая всеми Силами самообороны, быть такой мелочной?

Мы зашли в класс и забрали свои рюкзаки, с которыми прибыли в Альту. Когда я закидывала рюкзак на плечо, он задел Биту. Девушка рассмеялась и отпустила шуточку насчет того момента, когда она едва не врезалась в меня в воздухе. Я улыбнулась. Похоже, наш ляп скорее взбодрил ее, чем обескуражил.

Когда мы направились к кадетским спальням, Бита чуть приотстала от остальных и пошла рядом со мной, так что мне не пришлось идти одной. Впереди ребята засмеялись над какой-то репликой Неда, и я решила, что не позволю Броне изводить себя. Теперь у меня появились союзники – кажется, все вполне достойные люди, кроме Заразы, понятное дело. Возможно, здесь я впервые обнаружила место, где буду своей.

Мы дошли до спален. Это было два коридора с комнатами:

один – для парней, второй – для девушек. Все знали, что на время учебы в летной школе любые романы строго-настрого запрещались. Никаких любовных интрижек до выпуска. Да и все равно, время-то на них откуда взять? Хотя, надо признать, Бим в летном комбинезоне смотрелся очень даже неплохо. И его чернящие волосы мне тоже нравились.

Мы пошли с парнями посмотреть, как там Тор. Их комната была почти такой же маленькой, как та, которую я делила с мамой и Бабулей в Огненной. В тесном помещении у противоположных стен стояли две двухъярусные койки. Кровати Артуро, Неда и Заразы были подписаны, а Тор уже сидел на четвертой. Для Бима втащили раскладушку. Вот бедняга!

Тор спал – или притворялся спящим, но это означало, что сейчас он хотел, чтобы его оставили в покое. Так что мы с девчонками пошли в наш коридор и отыскивали предназначенную для нас комнату. Она была такой же маленькой. Как и у парней, там было четыре кровати, и на каждой висела табличка – кому на ней спать. Киммалин, Бита, ФМ и Утро – ну, только под настоящими именами, но мысленно я предпочитала все же позывные. Разве что кроме Киммалин, пожалуй. Неужели она действительно смирилась с позывным Жучик? Надо будет поговорить с ней об этом.

Но в тот момент меня занимала совсем другая мысль. В комнате не было ни кровати, ни таблички с моим именем. Даже раскладушки не было.

– Ну что за невезение, – вздохнула Киммалин. – Кажется,

тебе придется спать на раскладушке, Юла. Ну, когда ее принесут. Хочешь, будем с тобой меняться через ночь?

Эта девушка была слишком милой, чтобы служить в армии.

Ну так и где же моя раскладушка? Я выглянула в коридор и увидела хромающего к нам Кобба. За ним следовали двое мужчин в форме военной полиции. До нас они не дошли – остановились и как-то подозрительно стали ждать.

Я вышла к нему, оставив девчонок в комнате:

– Сэр!

– Я пытался. Но меня не стали слушать. – Кобб скривился. – Для тебя не будет ни койки, ни еды в столовой.

– Что? – Я, наверное, что-то не расслышала.

– Тебе разрешено присутствовать на моих занятиях – для этого моих полномочий хватило, но остальные офицеры ССН не согласны с моим поступком. Я никак не влияю на вспомогательные службы, а они решили не выделять на тебя ресурсы. Ты можешь учиться, можешь, к счастью, летать на «Поко». Но это всё. Извини.

Я почувствовала, как кровь отхлынула от лица; в груди снова стал закипать гнев.

– Как же я смогу летать, если мне даже есть будет нечего?

– Тебе придется питаться внизу, в Огненной, – сказал Кобб, – там, где действуют продуктовые карточки твоей семьи. Будешь по вечерам спускаться вниз на лифте, а утром возвращаться.

– Подъем на лифте может занять несколько часов! – воскликнула я. – Я буду проводить все свободное время в пути! Как я смогу стать членом звена, если не буду жить вместе с остальными? Это... это...

– Возмутительно, – договорил за меня Кобб, посмотрев мне в глаза. – Согласен. Так что, ты сдаешься?

Я глубоко вздохнула, потом покачала головой.

– Вот и умница. Я скажу остальным, что тебе отказали в койке из-за какой-то дурацкой подковерной борьбы. – Он посмотрел на полицейских. – Эти бодрые ребята покажут тебе путь наружу и убедятся, что ты не будешь спать на улице. – Кобб наклонился ко мне. – Это просто еще один бой, Юла. Я тебя предупреждал. Они не позволят, чтобы все прошло легко и гладко. Я буду ждать, когда появится возможность что-то изменить. А до тех пор – крепись. – И он заковылял прочь.

Я прислонилась к стене с таким чувством, будто мне подрубили ноги. Было ясно, что мне никогда не стать здесь своей. Адмирал об этом позаботится.

Полицейские восприняли уход Кобба как намек на то, что им пора приблизиться.

– Уже иду, – сказала я, забросила рюкзак за спину и двинулась к выходу. Они двинулись следом.

Мне хотелось попрощаться с ребятами, но объяснять что-то было выше моих сил. Так что я просто ушла, решив, что отвечу на все их вопросы утром.

Внезапно я почувствовала чудовищную усталость.

«Не позволяй им видеть твою слабость», – велела себе я и выпрямилась. Полицейские сопроводили меня до выхода из здания, а когда мы шли по коридору, я совершенно точно заметила Броню – она следила, как я уйду.

Впрочем, уже за пределами летной школы полицейские сразу оставили меня одну. Что-то они не стали проверять, не устроюсь ли я спать на улице. Возможно, именно этого Броня и хотела: если бы меня арестовали за бродяжничество, у нее появился бы повод вышибить меня из ССН.

Я поймала себя на том, что расхаживаю туда-сюда вдоль здания школы – так мне не хотелось уходить. Не хотелось расставаться с остальными и с тем чувством товарищества, которое я себе нафантазировала.

Одна. Так или иначе, но я по-прежнему была одна.

– Это просто невыносимо, Кобб! – донесся до меня чей-то голос.

Никак Зараза?

Я придвинулась поближе к школе и выглянула из-за угла. Там, возле черного хода в здание, действительно стоял Зараза и разговаривал с Коббом, который оставался в дверях.

– Как я могу командовать звеном, если они меня не уважают? – воскликнул Зараза, вскинув руки. – Как могу отдавать приказы, если они так меня называют? Нужно выбить из них это дурацкое слово? Запретить его. Приказать им повиноваться.

– Сынок, – сказал Кобб, – ты мало знаешь об армии, да?

– Я готовился к ней всю свою жизнь!

– Тогда тебе следовало бы понимать. Уважение не идет в комплекте со значком или нашивками на рукаве. Оно приходит с опытом и со временем. А что касается прозвища, раз уж оно начало прилипать, у тебя есть два варианта: игнорировать его, надеясь, что оно забудется, или принять его таким, какое оно есть.

– Только не второе. Это нарушение субординации.

Я покачала головой. Никудышный из него командир.

– Парень... – начал было Кобб.

Зараза скрестил руки на груди:

– Мне пора домой. Ровно в семь я должен быть на официальном ужине с послем пещеры Хайвэй. – И Зараза зашагал к стоящей на улице охрененно красивой машине. Частный аэрокар, со своим небольшим антигравом? Я иногда видела такие внизу.

Зараза уселся в машину и завел ее. Двигатель заурчал, и по сравнению с ровной мощностью ускорителя было в этом звуке что-то первобытное.

«Тьма-а-а-а-а-а! – подумала я. – Сколько же денег у этого парня?»

Его семья должна была иметь чертову уйму привилегий, чтобы позволить себе такую роскошь. И как видно, делить спальню с другими кадетами ему тоже было не по чину. Аэрокар плавно заскользил прочь. Мне показалось ужасно

несправедливым, что этот парень вот так, походя, как кусок тухлой крысятины, отбросил то, в чем отказали мне.

Я закинула рюкзак на плечи и побрела к воротам. Возле стены, ограждающей территорию ССН, уже другая парочка полицейских отметила в списке, что я ухожу. Потом я поковыляла по широкой улице в сторону лифтов. Мой район находился в дальнем конце Огненной, поэтому мне светило действительно проводить по несколько часов в пути туда и обратно. Если бы только не удалось найти внизу какое-нибудь местечко неподалеку от лифтов...

И все равно на душе было погано. Я направилась к лифтовому комплексу, но там выстроились длиннющие очереди – наверное, из-за проблем, возникших утром. Сначала я приготовилась ждать, но потом повернулась и посмотрела налево – за здания и поля. Хотя у самой базы Альта был щит и стена, этот импровизированный город, населенный фермерами, тоже своего рода Непокорными, ограды не имел. Да и нужна ли она была? Ведь здесь не было ничего, кроме пыли, камней и... пещер.

И вдруг меня осенило. Это же недалеко...

Я вышла из очереди к лифтам и зашагала прочь, мимо домов, мимо полей. Работавшие на них фермеры поглядывали на меня, но ничего не говорили, и вскоре город остался позади. Здесь мой настоящий дом: пещеры, камни и открытое небо. После смерти отца я проводила тут куда больше времени, чем в Огненной.

До пещеры с разбитым кораблем было примерно полчаса хода, но я немного поплутала, прежде чем нашла ее. Входное отверстие оказалось меньше, чем мне запомнилось, но с помощью энергошнура я смогла спуститься внутрь.

Старый корабль выглядел более покореженным, чем я запомнила. Возможно, потому, что я только что летала на новом корабле. Но все-таки кабина была удобной, а кресло полностью откидывалось.

Это была дурацкая идея. Если бы начали падать обломки, меня могло бы тут засыпать. Но я была слишком обижена, слишком измотана, поэтому мне было по фигу.

Так что я легла на импровизированную койку в забытом корабле и провалилась в сон.

Пробуждение в кабине истребителя было самым невероятным из всего, что со мной происходило до этих пор. Ну... разве что после полета.

Я потянулась в темноте и поразилась, до чего же просторно в кабине. Она была больше, чем в кораблях ССН. Я включила браслет, чтобы добавить хоть какого-то освещения, и посмотрела на часы. Половина пятого. Два с половиной часа до того времени, когда я должна была войти в класс.

Учитывая все обстоятельства, такой уж сильной усталости я не чувствовала. Только мышцы немного побаливали после...

Что-то сидело и тарасилось на меня с внутреннего обода кабины.

Никогда прежде я не видела в пещерах ничего, хотя бы отдаленно похожего на это существо. Во-первых, оно было желтым. Плоским, длинным и каким-то бесформенным. Вдоль спины у него тянулись небольшие голубые шипы, создавая узор на фоне ярко-желтой кожи. Существо выглядело как здоровенный слизень размером с буханку хлеба, только потоньше.

Глаз я не разглядела, но то, как оно свернулось, приподняв переднюю часть, немного напомнило мне... бурундука, что ли? Ну, как в тех роликах, которые мы смотрели на уро-

ке, о немногочисленных сохранившихся видах диких животных в пещерах.

– Ты кто такой? – тихо спросила я.

У меня заурчало в животе.

– И второй вопрос – ты съедобный?

Существо склонило «голову» набок и посмотрело на меня – хотя по-прежнему казалось, будто глаз у него нет. Как и рта. Да и лица в целом. Оно испустило негромкую трель, напоминающую голос флейты, но звук исходил из шипов на спине.

Насколько я могла судить по опыту сбора грибов в пещерах, яркие цвета означали: «Не ешь меня, разумный, или вскоре мои собратья будут есть тебя». Так что лучше уж не тащить этого странного пещерного слизня в рот.

В животе снова заурчало, но когда я покопалась в рюкзаке, там обнаружилась только половинка старой водорослевой плитки. Мне бы, может, еще хватило времени впритык, чтобы сгонять в Огненную за едой, но это было бы... ну, все равно что прокрасться домой побитой, поджав хвост.

Адмирал хотела сломать меня? Ну так она не знала, на кого нарвалась! Я лучшая в мире, прекрасно натренированная крысятница с большим опытом.

Я подняла спинку кресла и пошарила в задней части подзрительно просторной кабины. Обычно каждый сантиметр объема отводился для пилота, но здесь, похоже, был предусмотрен грузовой отсек и что-то вроде откидного сиденья

для пассажира.

Накануне вечером мне показалось, будто там лежат какие-то старые инструменты. И действительно, я нашла за креслом моток пластифибровой веревки. В закрытом кокпите веревка сохранилась нормально – хотя ее еще попробуй уничтожь. Я отмотала себе немного.

Слизень так и сидел на панели управления, продолжая тарачиться на меня. Время от времени он наклонял голову и посвистывал.

– Ну да, – сказала я. – Как ты и говорил.

Я откинула фонарь кабины – вечером я не решилась закрыть его до конца, кто его знает, как тут с вентиляцией, – и спрыгнула вниз. Как я и надеялась, в темноте послышалось шуршание, а у стены, возле каких-то грибов, я заметила крысиный помет.

Гарпунное ружье, конечно, было бы очень кстати, но на крайняк силки тоже могли сгодиться. Вместо приманки я положила водорослевую плитку и, завершив работу, с удовлетворением отступила. Слизень перебрался на крыло корабля и засвистел мне – как я решила для себя, с любопытством.

– Эти крысы, – сказала я, – скоро познают гнев моего голода, освобожденного от пут справедливости! – Я улыбнулась, потом осознала, что разговариваю с каким-то странным пещерным слизнем, а это было новым уровнем падения даже для меня.

Однако же мне требовалось куда-то деть еще некоторое

количество времени, так что я принялась осматривать корабль. Изначально у меня была мысль починить его. Дописав тест, я позволила себе помечтать, как предьявлю ССН свой собственный корабль и заставлю их принять меня.

Теперь эти мечты казались... зряшными. Корабль находился в очень плохом состоянии. И не только из-за погнутого крыла или разбитых ускорителей. Все, что не накрывал колпак кабины, было исцарапано, покорежено или разорвано.

Но может, повреждения были только внешними? Если внутри там все в порядке, корабль еще можно починить?

Я достала ящик с инструментами. Он прошел испытание временем хуже, чем веревка, – похоже, туда проникла влага, – но ржавый гаечный ключ все равно остается гаечным ключом. Так что я отодвинула несколько камней и заползла под корабль, поближе к антиграву. Как и все ученики, я знала основные виды техники, хотя изучала их не так старательно, как схемы полетов и чертежи кораблей. Тор всегда поддразнивал меня – говорил, что хороший пилот должен уметь самостоятельно починить корабль.

Мне никогда и в голову не приходило, что я буду сидеть в старой пещере, освещенной лишь красно-оранжевым светом светового шнура, и пытаться вскрыть предохранительный щиток какого-то старого хлама. В конце концов я его сняла и заглянула внутрь, стараясь вспомнить пройденное на уроках.

«Это, наверное, воздухозаборник дюз и система впрыска

топлива, а это, должно быть, стабилизатор антиграва...»

Там была еще целая куча незнакомых деталей, но мне все-таки удалось опознать силовую матрицу – ящик полуметровой ширины, корабельный блок питания. Я не без труда отцепила его, потом вылезла из-под корабля сама и при помощи энергошнура вытащила матрицу.

Как ни удивительно, провода, которыми блок питания соединялся с кораблем, очень хорошо сохранились. Еще там были такие же разъемы, как и у нас, а у нас они остались такими же, какие использовались на флоте до вынужденной посадки на Россыпь. Может, это как-то поможет определить возраст этого экспоната?

Я заползла обратно и заглянула во внутренности корабля. А это еще что такое? Я постучала костяшками по большому черному ящику. Глянцевитый, отражающий свет – несмотря на бремя лет, он как-то не вязался с прочими деталями оборудования. А впрочем – как я могла судить о том, что сочетается и что не сочетается в таком странном корабле?

Подчиняясь внезапному порыву, я открыла крохотную силовую матрицу своего энергошнура и вставила в нее один из кабелей поменьше. В передней части корабля что-то звякнуло, и внутри смотровой панели зажегся свет.

«Вот же тьма!» Мощности моего шнура явно не хватало, но если бы у меня был настоящий генератор, то, возможно, я бы смогла восстановить часть функциональных блоков корабля. Ну да, у него по-прежнему было погнуто крыло и сло-

ман ускоритель, но эта идея захватила меня. Я снова заглянула внутрь.

Слизень уже был там. Он обернулся вокруг провода и свисал с него, с любопытством взирая на меня сверху вниз.

– Эй, а ты как сюда попал? – спросила я.

Он что-то просвистел в ответ. «Интересно, это тот же слизень или другой», – подумала я. Я выползла наружу и огляделась, но других слизней поблизости не было. Зато я услышала шуршание у стены: это в мои силки попалась очень недурная, мясистая крыса.

– Вот видишь? – сказала я, заглянув под корабль. Слизень плюхнулся на камни. – А ты сомневался во мне!

Я выпотрошила крысу, освежевала и нарезала мясо на полоски. В ящике с инструментами нашлось небольшое устройство для микросварки, и для него силовой матрицы моего энергошнура было вполне достаточно. Я соорудила из него и куска металла сковородку – и вскоре у меня была еда. Правда, без приправ, но зато теперь не придется идти на занятия голодной.

Тут меня осенило, что я могу воспользоваться школьной умывалкой. Вчера мне не запрещали туда ходить. А в умывалке были чистящие капсулы для мытья после полетов. Я могла бы по утрам собирать грибы, поставить побольше силков и...

Я что, в самом деле собиралась стать пещерным жителем?

Я посмотрела на готовящуюся крысу. Либо жить здесь,

либо каждый день мотаться туда-сюда, как этого хотела адмирал.

Я нашла способ контролировать собственную жизнь. Они не дают мне ни еды, ни койки? Ну и ладно. Я не нуждаюсь в их подачках.

Я – Непокорная!

И действительно, когда в половине седьмого я подошла к зданию школы, полицейские не запретили мне пойти прямоком в умывалку. Я помыла руки, дожидаясь, пока остальные женщины выйдут. Потом быстренько разделась, побросала одежду и нижнее белье в одеждуную ячейку и нырнула в чистящий отсек – устройство, смахивающее формой на гроб, только с дыркой в узком конце.

Цикл занимал меньше двух минут, но я подождала, пока умывалка снова опустеет, потом вылезла и достала свою уже чистую одежду. Без десяти семь я сидела вместе с остальными в нашем учебном классе. Кадеты оживленно обсуждали столовский завтрак, включавший в себя настоящий бекон.

«Я позволю своему гневу кипеть в моей душе, – попыталась успокоить себя я, – до того дня, когда он взорвется и свершит возмездие! А до тех пор пусть кипит. Кипит, как сочный бекон на горячей сковородке...»

Вот тьма.

К сожалению, имелась и проблема посерьезнее. Было уже ровно семь, а одна из учебных кабин оставалась пустой. Тор снова опаздывал. Да как, разрази меня звезды, он десять лет каждый день являлся на уроки ни свет ни заря и при этом умудрился опоздать в летнюю школу два раза подряд?

В кабинет, прихрамывая, вошел Кобб, остановился возле

кабины Тора и нахмурился. Несколько секунд спустя в дверном проеме возник сам Тор. Я раздраженно посмотрела на часы – и тут до меня дошло. Тор был с рюкзаком.

Кобб не сказал ни слова. Он просто посмотрел Тору в глаза и кивнул. Тор развернулся, чтобы уйти.

– Что?! – Я вскочила. – Что?!!

– Это всегда случается после первого боя, – сказал Кобб. – Обычно это происходит позже, чем получилось у вас, но так бывает всегда.

Не в силах поверить, я кинулась вслед за Тором и выскочила в коридор:

– Тор!

Он не остановился.

– Тор! Что ты делаешь?! – Я побежала за ним. – Сдаться после одной-единственной стычки? Я знаю, что тебя потрянуло, но это же наша мечта!

– Нет, Спенса, – сказал он, остановившись. Кроме нас, в коридоре никого не было. – Это твоя мечта. А я шел с тобой за компанию.

– Наша мечта! Учеба, тренировка. Летная школа, Тор! Летная школа!

– Ты кричишь, как будто я тебя не слышу. – Он улыбнулся. – Хотя не слышит здесь кто-то другой.

Я потрясенно уставилась на него. Тор легонько похлопал меня по плечу:

– Наверное, я вру. Я правда всегда хотел поступить. Труд-

но не заразиться энтузиазмом, когда близкий человек мечтает так страстно. Я хотел доказать себе, что я способен пройти этот тест. И я его прошел. Но когда я летел там, Спенса, и чувствовал, каково все это... Когда те залпы попали в меня, я понял, что не смогу заниматься этим изо дня в день. Прости, Спенса. Я не пилот.

Я не понимала, что он говорит. Даже сами звуки, срывающиеся с губ Тора, казались чужими, как будто он невесть как переключился на какой-то иностранный язык.

– Я думал над этим всю ночь, – печально произнес Тор. – Но я уверен, Спенса. В глубине души я всегда знал, что не создан для сражений. Вот еще бы знать, что теперь делать... Ведь пройти тест было для меня конечной целью, понимаешь?

– Значит, удираешь, – сказала я. – Сдаешься. Бежишь.

Тор скривился, и внезапно мне стало тошно.

– Не всем же быть пилотами, Спенса. Другие профессии тоже важны.

– Так только говорят. На самом деле никто в это не верит.

– Может, ты и права. Я не знаю. Наверное... мне нужно подумать об этом. Интересно, а бывает такая работа, на которой нужно только заполнять тесты? Как оказалось, это у меня здорово получается.

Он коротко обнял меня, а я стояла как одеревеневшая, и быстро зашагал прочь. Я смотрела ему вслед, пока из кабинета не вышел Кобб.

– Марш в класс, кадет, – скомандовал он, – или я запишу тебе опоздание.

– Поверить не могу, что вы его отпустили!

– Часть моей работы – определять, кто из вас, малолеток, принесет больше пользы здесь, внизу, а не убьется там. – Он мягко подтолкнул меня к двери. – К дню выпуска опустевших кабин в классе добавится. Идем.

Я вернулась в кабинет, забралась в свою кабину, и до меня дошло то, что стояло за этими словами. Кобб казался почти счастливым, отослав одного из нас. Скольких же учеников сбили у него на глазах?

– Итак, – сказал Кобб, – давайте посмотрим, что вы запомнили из вчерашнего урока. Пристегнитесь, наденьте шлемы и включите голографические проекторы. Командир, поднимайте звено в воздух и докажите мне, что новые знания не вытекли у вас за ночь из ушей в подушку. Тогда, быть может, я смогу научить вас, как на самом деле начать летать.

– И стрелять? – нетерпеливо спросил Бим.

– Тьма, нет! – сказал Кобб. – Вы же друг дружку перестреляете! Сначала – самые азы.

– А если нас снова застукают в воздухе, как нам драться? – спросил Артуро.

Я до сих пор не соображала, как выговаривать его позывной. Амфибия, или как там его?

– Тогда, – сказал Кобб, – тебе придется надеяться, что Жучик посбивает их для тебя, парень. Хватит разговоров! Ис-

полнять приказ!

Я пристегнулась и включила проектор, но напоследок, прежде чем вокруг меня возникла голограмма, бросила взгляд на опустевшее место Тора.

Все утро мы учились поворачивать одновременно.

Полеты на космических истребителях отличались от пилотирования каких-нибудь старинных аэропланов, которые использовали некоторые внешние кланы. У наших кораблей были не только антигравы, удерживающие нас в воздухе – независимо от скорости или ее отсутствия, – истребители также снабжались мощными устройствами, названными атмосферными воздухозаборниками, благодаря которым мы гораздо меньше зависели от причуд воздушных потоков.

Однако наши крылья тоже играли свою роль, а наличие атмосферы могло оказаться удобным по ряду причин. Мы могли исполнить стандартный крен, положить корабль набок и разворачиваться, словно птицы. Но мы могли и выполнять некоторые маневры в космическом стиле – например, развернуть корабль в любом направлении, в каком пожелаем, и рвануть туда на ускорителе.

Я близко познакомилась с разницей между ними, пока мы выполняли оба маневра, раз за разом, до тех пор пока я не устала летать.

Бим продолжал спрашивать про оружие. Этот черноволосый парень обладал тем искренним энтузиазмом, какой я

всегда ценила в людях. Но я не разделяла его стремления пострелять. Если я намеревалась однажды превзойти Заразу в летном мастерстве, то должна была освоить основы основ. Именно из-за неаккуратных поворотов я не сумела как следует разогнаться во время нашего первого боя. Так что, если Кобб хотел, чтобы я отрабатывала повороты, я буду отрабатывать повороты. Я буду их отрабатывать, пока не сотру себе пальцы и не иссохну, как скелет.

Скелет, который сможет очень и очень хорошо поворачивать.

Вместе со всем строем я направилась влево, потом рефлекторно дернулась вниз, потому что Бита развернулась слишком резко и ее занесло в мою сторону. Она врезалась в ФМ. Незримый щит ФМ отразил удар. Но самой ФМ не хватило навыков скомпенсировать толчок, и она, потеряв управление, отлетела в сторону и сорвалась в штопор.

Они обе пошли вниз, врезались в каменистую поверхность и одновременно исчезли во вспышках взрыва.

– Тьма! – выругалась ФМ. Она была очень чопорной, с ее стильной стрижкой и золотыми пряжками на ботинках.

А вот Бита лишь рассмеялась. Она часто смеялась – возможно, просто любила веселиться.

– Ух ты! – восхитилась она. – Вот это рвануло! Сколько очков я заработала за такое представление, Кобб?

– Очков? Ты считаешь это игрой, кадет?

– Вся жизнь – игра, – ответила Бита.

– Ну тогда ты только что потеряла все очки и умерла, – сказал Кобб. – Если сорвешься в такое неконтролируемое падение – катапультируйся.

– Кстати, а что для этого нужно? – спросил Нед.

– Нед, ты чего? – подал голос Артуро. – Мы же вчера это разбирали. Глянь на рукоятку у тебя между ногами. Видишь на ней надпись «ЧС»? И для чего она, по-твоему?

– Я думал, это означает «Чрезвычайная ситуация».

– И что надо делать, когда случится чрезвычайная ситуация? На истребителе-то? Ты...

– Вызвать тебя, – сказал Нед, – и спросить: «Эй, Артуро, а где этот хренов рычаг катапульты?»

Артуро вздохнул. Я ухмыльнулась и посмотрела сквозь фонарь на ближайший в строю корабль – девушку в нем было еле видно. Утро. Татуировка была заметна даже из-под шлема. Она резко отвела взгляд. Даже не улыбнулась.

«Ну и ладно».

– Возвращайтесь на базу, – сказал Кобб. – Скоро обед.

– Возвращаться на базу? – жалобно спросил Бим. – А можно, мы просто выключим голограммы и сходим перекусим?

– Конечно. Выключай голограмму, иди поешь, а потом можешь двигать туда, откуда пришел, потому что мне некогда возиться с кадетами, которые отказываются отработать посадку.

– Ой! Прошу прощения, сэр.

– Не трать радиоволны на извинения, кадет. Просто выполняй приказ.

– Ладно, звено, – сказал Зараза. – Построение стандартное, курс сто шестьдесят пять.

Мы повиновались, снова выстроились в линию и полетели обратно к виртуальной версии Альты.

– Кобб, – сказала я, – а мы будем тренироваться, как выводить корабль из неконтролируемого штопора?

– Ну хватит уже, – проворчал он. – Вероятность того, что вы окажетесь в подобной ситуации, крайне мала, а если это произойдет, я хочу, чтобы вы научились дергать за рычаг катапульты. Я не хочу, чтобы вас отвлекала какая-то бравада типа попыток спасти корабль.

– Но что, если мы действительно можем его спасти, сэр? – спросил Зараза. – Разве хороший пилот не обязан сделать все, что только можно, для спасения антиграва? Они достаточно редки, чтобы традиция требовала от нас...

– Хватит мне цитировать эту идиотскую традицию! – рявкнул Кобб. – Хорошие пилоты нам нужны не меньше, чем антигравы! Если сорветесь в штопор – катапультируетесь! Все меня поняли?

Несколько человек ответили, что поняли. Я промолчала. Кобб не стал оспаривать самого важного: если кадет катапультируется и погубит свой корабль, он никогда больше не будет летать. Может, после того, как я стану полноправным пилотом, я и смогу подумать о катапультировании, но пока

что я ни за что не дерну этот рычаг.

Все равно отчисление ничуть не лучше смерти.

Мы совершили посадку, и голограммы отключились. Кадеты высыпали в коридор и двинулись в сторону столовой, со смехом обсуждая, как эффектно выглядели ФМ и Бита, когда взорвались. Киммалин заметила, что я задержалась в классе, и хотела уже остановиться, но Кобб мягко отправил ее следом за остальными.

– Я объяснил им ситуацию, – сказал он, стоя на пороге. – Работники лифта сказали, что ты вчера вечером не спускалась в Огненную. Это правда?

– Я нашла себе пещеру примерно в полчаса ходьбы от города и решила, что сэкономлю время, если останусь в ней. Я всю жизнь шарилась по пещерам в поисках съестного. Мне там удобнее.

– Ну, как знаешь. Ты принесла что-нибудь перекусить?
Я покачала головой.

– Впредь приноси. Я не хочу, чтобы во время тренировок ты отвлекалась из-за голода.

И он ушел. Вскоре я услышала в отдалении голоса. Смех, эхом доносящийся из столовой.

Я подумала, не потренироваться ли мне пока, но засомневалась, можно ли пользоваться оборудованием без присмотра. Однако просто сидеть целый час и слушать отголоски я тоже не могла, поэтому решила пройтись. После полетов я чувствовала на удивление сильную усталость, но после дол-

того сидения в кабине хотелось размяться.

Я вышла из здания школы, отметив по пути, что в коридоре расположились двое полицейских. Они что, действительно собирались следить, чтобы я не сперла булочку? Не много ли сил адмирал тратила на борьбу с каким-то ничтожным кадетишкой? С другой стороны, если уж ввязываться в драку, то надо драться до победы. Это заслуживало уважения.

Я покинула территорию базы и направилась к фруктовому саду, растущему за стеной. Кроме работников, ухаживающих за деревьями, там были другие люди в форме, которые прогуливались вдоль дорожек с поставленными на них скамейками. Похоже, не я одна наслаждалась присутствием настоящей растительности – не каких-нибудь грибов или мха, а живых деревьев. Добрых пять минут я гладила кору и трогала листья, подозревая в глубине души, что их сделали из какого-нибудь сверхреалистичного пластика.

Потом я прошла дальше и посмотрела на пояс обломков. Как всегда, я увидела огромный узор, приглушенно-серые пятна и линии в небе, но до них было слишком далеко, чтобы рассмотреть детали. Прямо над нами плыл небесный светильник, такой яркий, что на него невозможно было смотреть – тут же выступали слезы на глазах.

Я не увидела ни одного отверстия в поясе. Тот раз, когда я была с отцом, оказался единственным, когда я заглянула в сам космос. Слишком уж много слоев мусора вращалось вокруг планеты.

Какими они были – люди, построившие все это? Кто-то из детей в моем клане шепотом рассказывал, что Россыпь – это на самом деле Старая Земля, но отец лишь посмеялся над этой идеей. Ясно же, что эта планета намного меньше. Кроме того, у нас были карты Земли – совершенно ничего общего.

Но они были людьми или, по крайней мере, использовали наш язык. Поколение Бабули – экипаж «Непокорного» и его флот – знало, что Россыпь находится здесь. Они целенаправленно летели на эту старую заброшенную планету. Чтобы спрятаться. Только вот посадка оказалась куда более разрушительной, чем они предполагали. Я попыталась представить, каково им было. Потерять небо, потерять свои корабли, вынужденно разбиться на кланы и прятаться в пещерах... Интересно, они чувствовали себя так же странно, видя над головой свод пещеры, как до сих пор чувствую себя я при виде неба?

Я снова стала бродить по дорожкам сада. В здешних работниках было эдакое грубоватое дружелюбие. Они улыбались мне, когда я проходила мимо, а некоторые даже отдавали честь – неофициально. Интересно, как бы они отреагировали, если бы узнали, что я дочь Ловца, того самого позорно известного труса?

Сделав круг по саду и направляясь к выходу, я прошла мимо небольшой группы одетых в костюмы и платья людей, которые совершали официальную экскурсию по садам. Так одевались инспекторы, бывавшие у нас внизу, люди с осо-

быми заслугами, которые жили в глубоких пещерах, более защищенных и более безопасных на случай бомбардировок. Люди вроде Йоргена и его дружков.

Они казались слишком... чистыми.

Уже выходя из сада, я с удивлением заметила, что между деревьями и базой примостился ряд небольших ангаров. В приоткрытую дверь одного из них виднелся аэрокар Заразы. Я заглянула внутрь, отмечая блеск хрома и нежно-голубую краску корпуса. Небольшой, классный и явно очень дорогой. Ну и зачем прятать его тут, за пределами базы?

«Может, Зараза не хочет, чтобы другие кадеты просили покататься», – подумала я. Мне ужасно хотелось сотворить с машиной какую-нибудь пакость, но я удержалась. С трудом.

Я вошла в ворота и вернулась в класс, опередив остальных. Там я направилась напрямик к своему месту. Мне уже казалось, будто я давным-давно не сидела в кабине. Устроившись там, я блаженно вздохнула. Потом глянула в сторону и обнаружила, что на меня кто-то смотрит.

От неожиданности я подпрыгнула чуть ли не до потолка. Входя в класс, я не заметила Утро. Ее настоящее имя было Магма или Магна, – я так и не запомнила. Судя по стоящему рядом с ней подносу, викианка брала обед сюда и ела в одиночестве.

– Привет, – сказала я. – Ну и чего там давали? Пахнет подливой. Тушеные водоросли? Картофельное пюре? Свиная отбивная? Не волнуйся, я могу это вынести. Я солдат.

Скажи мне правду.

Утро лишь отвела взгляд. Лицо ее было непроницаемо.

– Твой клан ведь происходит от космодесантников, да? – сказала я. – С «Непокорного»? А наш клан – это потомки машинной команды самого флагманского корабля. Возможно, наши прабабушки были знакомы.

Она не ответила.

Я скрипнула зубами, потом вылезла из кабины, подошла к ней и вынудила посмотреть мне в глаза.

– Ты что-то имеешь против меня? – сердито спросила я.

Утро пожала плечами.

– Ну так смирись с этим, – сказала я.

Она снова пожала плечами.

Я постучала пальцами по ее ключице:

– Не доводи меня. Мне плевать на вашу грозную репутацию. Я никуда не собираюсь – только в небо. И если мне придется переступить через твой труп, чтобы подняться туда, – значит так тому и быть.

Я развернулась, снова прошла к своей кабине и влезла туда, вполне довольная собой. Надо будет продемонстрировать что-нибудь в том же духе Заразе. Спенса-воительница. Ну вот, вроде полегчало.

Постепенно стали возвращаться остальные и занимать свои места. Мимо меня проскользнула Киммалин. Ее длинные кудряшки качнулись, когда она посмотрела сначала в одну сторону, потом в другую – словно проверяя, не глядит

ли кто на нее.

А потом уронила мне на колени булочку.

– Кобб сказал, ты забыла взять с собой обед, – прошептала Киммалин, потом развернулась, пошла в другую сторону и вдруг громко произнесла: – Какой отсюда чудесный вид на небо! Святая всегда говорила: «Как хорошо, что днем светло, иначе мы не смогли бы увидеть, как прекрасен день!»

Кобб посмотрел на нее и закатил глаза.

– Пристегнуть ремни! – скомандовал он всем. – Пора научиться чему-нибудь новому.

– Будем стрелять? – нетерпеливо спросила Бита.

Бим со своего места энергично закивал.

– Нет, – ответил ей Кобб. – Поворачивать. В другую сторону. – Он произнес это совершенно серьезно и, когда я фыркнула, сердито зыркнул на меня. – Это не шутка! Я вообще не шучу!

Да само собой!

– Прежде чем включить голограмму, – продолжал Кобб, – я должен вас спросить, какие чувства у вас сейчас вызывает ваша учеба.

– Что? – переспросил Нед, втискивая свою габаритную фигуру в кабину. – Чувства?

– Именно. Ваши чувства. Ну как?

– Я просто... удивлен, Кобб, – сказал Нед.

– Задавать вопросы и слушать – это важная часть эффективного обучения, Аспид! Так что заткнись и не мешай мне.

– Есть, сэр.

– Командир звена! Твои чувства, – сказал Кобб.

– Уверенность, сэр. Наша группа – сущий сброд, но я думаю, мы сможем их обучить. С вашим опытом и моими...

– Достаточно, – перебил его Кобб. – Аспид?

– Прямо сейчас я в некотором замешательстве, – сказал Нед. – И кажется, я съел слишком много энчиладос...

– Бита?

– Скуку, сэр, – ответила Бита. – Можно вернемся к игре?

– Дурацкий позывной про двухголового дракона?

– Амфисбена, сэр! – отозвался Артуро. – Честно говоря, для меня сегодняшнее занятие не было особо увлекательным, но я рассчитываю, что отработка основ окажется полезной.

– Скучает и считает себя умнее меня, – подытожил Кобб и сделал пометку в блокноте. – Жучик?

– Чудненько!

– Пилоты не говорят «чудненько», девочка. Мы говорим «охвачены воодушевлением».

– Или, – добавила я, – «полны нетерпения прикончить приближающихся врагов».

– Или так, – согласился Кобб, – если ты псих. Утро?

– Хорошо, – прошептала женщина с татуировкой.

– Громче, кадет!

– Хорошо.

– И? У меня тут три строчки. Что я должен в них вписать?

– Я... не беспокоиться много, – с сильным акцентом произнесла Утро. – Хорошо. Достаточно хорошо, так?

Кобб поднял голову и прищурился. Потом что-то записал у себя.

Утро покраснела и потупилась.

И тут до меня дошло: она не говорит по-английски. Тьма! Ну я идиотка! На старых кораблях были представлены разные народы Земли, и, конечно же, после трех поколений, проживших в изоляции, должны были существовать группы, не говорящие на моем языке. Раньше мне это просто не приходило в голову.

– Бим? – спросил Кобб следующего кадета. – Ты обзавелся позывным, парень?

– Еще думаю! – отрапортовал Бим. – Хочу подобрать подходящий. А мои чувства... ну... а мы скоро начнем тренировки с оружием?

– Можешь взять мой пистолет хоть сейчас, – сказал Кобб, – если пообещаешь из него застрелиться. Я только что записал: «Не терпится убиться». Идиотский опросник! ФМ?

– Непрестанно испытываю изумление перед токсичной агрессией, пропитывающей собой всю здешнюю атмосферу, – сказала хорошо одетая девушка.

– Это что-то новенькое, – заметил Кобб. – Адмирал явно будет в восторге. Юла?

– Голод, сэр.

А еще чувство собственной глупости. Редкостной. Я сно-

ва посмотрела на Утро и задним числом вспомнила, как она постоянно казалась отчужденной и замкнутой. Теперь, когда я слышала ее сильный акцент и искаженную речь, все это предстало передо мной в новом свете. И то, как Утро отводила взгляд, когда кто-нибудь пытался заговорить с ней.

– Ну ладно, с этим наконец-то покончено, – сказал Кобб. – Пристегнулись и включили голопроекторы!

– Вы – самый слабый участок нашей обороны, – сказал Кобб, расхаживая по центру класса. Мы все уже сидели по кабинам, но проекторы пока не были включены. – Ваш корабль способен разогнаться до невероятных скоростей и закладывать такие виражи, которых вам не пережить. Он намного функциональнее вас. Если вы погибнете, то не потому, что корабль вас подвел, а потому, что вы подвели свой корабль.

Прошла уже неделя – точнее, промелькнула. Каждый день – тренировки на имитаторах, занятия на центрифуге, и каждую ночь – сон в кабине старинного корабля. Грибы и крысы, которых приходилось есть без всяких приправ, успели мне осточертеть.

– Ваш самый большой враг – ускорение, – продолжал Кобб. – И вы не можете просто следить за уровнем перегрузки – вам надо понимать, в каком направлении она на вас давит. Человек способен вынести довольно значительную нагрузку, давящую на него спереди, при условии что он движется по прямой. Но если вы набираете высоту или резко разворачиваетесь, перегрузка будет давить на вас сверху, заставляя кровь отливать от головы к ногам. Многие теряют сознание всего лишь при девяти-десяти g. А если вы развернетесь вокруг собственной оси, а потом включите дюзы и

рванете в другом направлении, как мы с вами отработывали... Ну, вы с легкостью можете выжать сотню g , и этого хватит, чтобы превратить ваши внутренности в суп от внезапного рывка.

Нед поднял руку:

– Тогда почему мы изучаем эти маневры?

– Из-за гравикомов, – сказала я.

Кобб ткнул в мою сторону пальцем и кивнул:

– Ваши корабли способны скомпенсировать внезапное предельное ускорение. На кораблях Сил самообороны установлены такие штуки, которые называются гравитационными компенсаторами. Когда вы изменяете направление движения или быстро увеличиваете скорость, гравиком начинает работать и перенаправляет силу. Время его действия – три секунды. После этого он должен ненадолго отключиться для перезарядки, так что используют его в основном во время крутых поворотов.

Это я уже знала. На самом деле, Нед, возможно, тоже знал бы, если бы ему пришлось готовиться к тесту. Так что я отвлеклась и стала думать о своем сломанном корабле. Пока я мало продвинулась в его изучении, потому что почти все свое время тратила на охоту и приготовление крысиного мяса. И еще нужно было где-то раздобыть генератор...

– Ваши корабли оснащены тремя видами оружия, – сказал Кобб.

Что? Оружие? Я тут же снова сосредоточилась на уроке

и заметила, что Бим тоже восторжен. Было даже забавно, с какой щенячьей нетерпеливостью он реагировал на любое упоминание об оружии.

– Да, Бим, – подтвердил Кобб, – оружия. Смотри не обмочишься от восторга. Первый – это стандартный деструктор, ваше основное оружие, хотя и наименее эффективное. Стреляет он сконцентрированным лучом энергии, и обычно его используют для стрельбы на ближней дистанции. – Кобб остановился рядом с Киммалин. – Или – гораздо реже – его могут использовать для высокоточного выстрела по дальней цели. Большинство пилотов пользуется этой функцией только для того, чтобы прикончить выведенный из строя корабль либо, как вариант, чтобы подстрелить врага из засады. Чтобы попасть из деструктора в движущуюся цель на значительном расстоянии, требуется невероятное мастерство.

Киммалин заулыбалась.

– Не зазнавайся, – сказал Кобб и двинулся дальше. – Деструктор практически бесполезен против врага, закрытого щитом, хотя вы можете продолжать стрелять в него при каждом удобном моменте, ибо человеку свойственно надеяться на удачу. Я попытаюсь выбить это из вас, но если честно, даже опытные пилоты цепляются за свой деструктор, словно за какое-нибудь дурацкое письмо от их детской зазнобы.

Бим хихикнул.

– Это не шутка! – окрысился Кобб. – Включить голопроекторы.

Мы выполнили приказ – и резко очутились на стартовой площадке. Как только мы поднялись в воздух и прошли перекличку, в наушниках послышался голос Кобба:

– Ну ладно. Пора вам начать стрелять, помоги нам звезды. Итак, спусковой крючок деструктора – это кнопка на панели управления рядом с вашим указательным пальцем. Начали!

Я нерешительно нажала на эту кнопку. Из узкого и длинного носа моего корабля одна за другой стремительно вырвались три слепящие белые струи. Я ухмыльнулась и стала жать на кнопку снова и снова, выпуская луч за лучом. Вот так просто в моих руках оказалась власть над жизнью и смертью! И не только крысиной.

– Не надо его истощать, Юла, – сказал Кобб. – Видишь диск настройки на дросселе? Ты можешь вращать его большим пальцем левой руки. Это регулятор деструктора. Верхнее положение – бесперебойный огонь. Его обожают слюнявые безмозглые придурки, не прошедшие обучение у меня.

– А как насчет тех, кто обучается у вас, но все еще остается слюнявым безмозглым придурком? – спросил Нед.

– Не надо себя недооценивать, Аспид, – сказал Кобб. – Что-то я не замечал, чтобы ты пускал слюни. Второе положение регулятора – стрельба очередями. Третье – мощный выстрел на дальнюю дистанцию. Давайте развлекайтесь. Вышибите их из вашей системы.

Он повесил перед нами группу крельских кораблей. Они никуда не летели и вообще не двигались. Они просто висе-

ли. Стрельба по мишени? Мне всегда хотелось пострелять по мишеням – еще в детстве я любила бросать камешки в какой-нибудь камень, который выглядел противнее остальных.

Все вместе мы запустили в воздух ураган смерти и разрушения.

И промазали.

Похоже, промазали на целые мили. Хотя эти корабли вроде бы находились недалеко. Я скрипнула зубами и попробовала еще раз, переключая деструктор в разные режимы и наклоня корабль под разными углами. Я высадила весь боезапас. Но тьма! Хотя на вид они и были совсем рядом, явно оставалась куча пустого пространства, куда можно было вклепить заряд.

Зараза в конце концов попал, и один из чужих кораблей загорелся и рухнул. Я фыркнула и сосредоточилась на одиночном корабле. Ну же!

– Валяй, Жучик, – сказал Кобб.

– Ну, я думала, что нужно дать им шанс, сэр! – сказала Киммалин. – Победа не всегда заключается в том, чтобы быть лучшим, вы же понимаете.

– Давай-давай, – сказал Кобб.

– Ну хорошо.

Пару секунд ее корабль заряжался, потом выпустил точно направленный луч, и крелльский корабль разметало в воздухе. Киммалин повторила свой подвиг во второй раз. Потом в третий. И в четвертый.

– Сэр, это все равно что попадать камнем в пол, – сказала она. – Они ведь даже не двигаются.

– Как? – спросила я с благоговейным трепетом. – Как ты научилась так стрелять, Жучик?

– Ее тренировал отец, – сказала Бита. – Ты что, забыла? Ну, ту историю про гриб, похожий на белку?

ФМ рассмеялась, и я услышала, как даже Утро тихонько хихикнула. Но нет, я не знала никаких историй про грибы и белок. Видимо, они болтали об этом по вечерам, в спальне. Когда я топала обратно к своей пещере.

Я с силой надавила на кнопку и наконец-то умудрилась попасть. Крелл рухнул, рассыпая искры, – к моему глубокому удовлетворению.

– Ладно, – сказал Кобб. – Хватит этой дурости. Я отключаю ваши деструкторы.

– Но мы же только что их получили! – взвыл Бим. – Можно мы попробуем ближний бой?

– Да легко, – ответил Кобб. – Вот вам, пожалуйста.

Оставшиеся крельские истребители – около дюжины мы сумели сбить – внезапно ринулись прямо на нас, полыхая вспышками деструкторов. Бита громко завопила, но я сосредоточилась и нырнула в сторону.

Киммалин выбыла первой, исчезнув во вспышке. Я ушла в штопор, следя за красной линией на фонаре кабины – она указывала, на сколько *g* я бы себя чувствовала в реальности. Кобб был прав: гравиком защищал меня на коротком вира-

же, но надо было следить, чтобы не получить посреди разворота по башке всеми этими *g*.

Я рванула вверх. Вокруг вспыхивали выстрелы и взрывы, сверху сыпались обломки кораблей других кадетов.

– Мы пытались превзойти технологии креллов, – сказал Кобб, его спокойный голос чудовищно контрастировал с творящимся вокруг безумием. Вот закричал Нед – в него попали. Утро рухнула молча. – Но мы не преуспели. И их деструкторы, и их щиты лучше наших. А это значит, что в бою противник превосходит вас и в огневой силе, и в броне.

Все мои силы ушли на то, чтобы просто выжить. Я вертелась, кружила и уворачивалась. Три крелльских корабля – три! – повисли у меня на хвосте, и один из них попал в меня из деструктора. Я резко свернула вправо, но тут меня нагнал второй выстрел, и на панели управления замигал красный огонек. Щит был разряжен.

– Вам надо попасть в крелла раз шесть, чтобы пробить его щит, – сказал Кобб. – А они могут вас прикончить всего двумя-тремя выстрелами.

Я рванула вверх, заложив петлю. Взрывы отмечали смерть моих товарищей вспышками в тусклом небе. Лишь еще один корабль продолжал держаться, и я, даже не глядя на номер на фюзеляже, знала, что это Йорген. Все-таки пилотом он был не в пример мне.

И меня это по-прежнему бесило. Я зарычала и ушла в вираж, пытаюсь подобраться ближе к одному из противников.

Ну еще чуть-чуть, вот сейчас!..

Панель управления отключилась. Корабль перестал реагировать на приказы. В ходе виража я превысила допустимую перегрузку, и гравиком отрубился. Хотя здесь мое тело ничего и не почувствовало, в настоящем корабле я бы уже потеряла сознание.

Крелльский корабль прикончил меня – почти мимоходом, и моя голограмма расплылась. А потом фонарь кабины исчез. Я снова была в учебном классе. Йорген сумел продержаться еще семнадцать секунд. Я считала.

Сидя в кресле, я слушала лихорадочный стук сердца в груди. У меня было такое чувство, будто мы только что наблюдали конец света.

– Давайте предположим, что вы достигли профессионализма, – сказал Кобб. – Понимаю, звучит фантастично, но я неисправимый оптимист. Даже если вы научитесь летать лучше среднего крелльского корабля, он все равно будет иметь значительное превосходство над вами, пользуясь одними лишь деструкторами.

– Так что же, мы в жопе? – спросила ФМ, вставая.

– Нет. Просто мы должны сражаться иначе, и тогда мы сможем даже получить некоторое преимущество. Пристегнись, кадет.

ФМ пристегнулась, и голограммы снова включились. Мы висели в небе, выстроившись в линию. Перед нами возник безмолвный строй крелльских кораблей. На этот раз я сле-

дила за ними с гораздо большим подозрением. Палец прямо покалывало от желания пальнуть в них.

– Эй, драконыш, – обратился Кобб к Артуру. – Нажми на кнопки рядом со средним и безымянным пальцами, сразу на обе.

Мой корабль встряхнуло, а от корабля Артуру с хлопком понеслась волна света.

– Эй! – вскрикнула Бита. – Мой щит разряжен!

– Мой тоже, – отозвалась Киммалин.

– И мой, – присоединился к ним Артуру.

– Мой держится, – сказал Зараза, и следом за ним еще несколько человек.

«Артуру остался без щита, – подумала я, – и два ближайших к нему корабля тоже». Я подалась вперед и в порыве любопытства выглянула из кабины. Во время подготовки я заучила все: технические характеристики дюзов, схемы полетов, антигравы – практически все об истребителях, кроме технических характеристик оружия.

– Это ИМИ, – сказал Кобб. – Инвертированный Магелланов Импульс. Он целиком и полностью уничтожает любой щит, излучаемый кораблем, в том числе, увы, и ваш собственный. Он действует на сверхкоротких дистанциях, поэтому вам потребуется практически заползти креллу в двигатель, чтобы воспользоваться этим оружием. Ключ к победе над креллами не в том, чтобы засыпать их выстрелами из деструктора. Нужно перехитрить их, превзойти в маневрен-

ности, действовать против них единой командой. Креллы – индивидуалисты. В бою они друг друга практически не поддерживают. Вы же будете сражаться традиционными парами ведущий-ведомый. Вам нужно будет исхитриться и пустить в ход ИМИ так, чтобы у вашего напарника появилась возможность сделать выстрел по незащищенному вражескому кораблю. Но при этом вам нужно постоянно быть начеку, ибо применение ИМИ оставляет вас самих уязвимыми до тех пор, пока ваш щит не восстановится.

Внезапно рядом что-то ярко вспыхнуло. ФМ тихо выругалась.

– Извините! – сказала Утро со своим сильным акцентом. – Извините! Извините! – Столько слов я от нее сегодня не слышала за весь день.

– А какой третий вид оружия? – спросил Зараза.

– Энергокопья, – наугад брякнула я. Я встречала этот термин в книгах, но опять же технических характеристик там не было.

– А, так ты знаешь о них, Юла! – сказал Кобб. – Так я и думал. Давай продемонстрируй нам.

– Ну... ладно. А почему я?

– Принцип их действия схож с их младшими братьями, энергошнурами. Что-то мне подсказывает, что ты имеешь опыт обращения с ними.

Откуда он узнал? Я приходила со своим энергошнуром на занятия, потому что без него не могла ни спуститься в

пещеру, ни подняться оттуда, но мне казалось, что я хорошо его прячу под длинными рукавами комбинезона.

– Большой палец и мизинец, – сказал Кобб. – Кнопки по бокам сферической капсулы.

Ну ладно. Почему бы и нет. Я толкнула вперед рычаг газа, выдвинулась из строя в сторону парящих крелльских кораблей и выбрала один из них. Пучок проводов, торчащий позади него, болтался в воздухе. Как и у всех кораблей, у него был антиграв стандартного размера, диаметром примерно два метра, который тускло мерцал голубым светом у крелла на брюхе.

Вблизи корабль выглядел еще более зловещим. Он по-прежнему создавал впечатление какой-то незавершенности, хотя на самом деле все у него было на месте. Висящие сзади провода, возможно, оставляли намеренно, а его конструкция просто была совершенно чужеродной. Так что он был вполне завершен, только строили его не люди, а существа, которые мыслили иначе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.